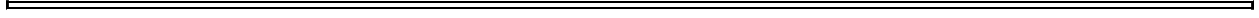

- [Рекшан Владимир](#)

-

Рекшан Владимир

Кайф

Владимир Рекшан

Кайф

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Где-нибудь в багдадской или стамбульской кофейне сидят над чашечками с кофе южные люди и кейфуют, то есть, насколько я понимаю, проводят в приятном, расслабляющем бездельи лишнее время.

Я же сижу на табурете за столом, привалившись спиной к горячей печке и передо мной полупустая чайная кружка с потемневшей, выжатой, скучной долькой лимона. И этот цитрусовый штришок недавней трапезы - единственное, что дает право праздну размышлять о мусульманском кейфе: ведь за окнами минус тридцать пять губельных градусов Цельсия, а в двух десятках метров от моего временного жилища начинается Ораниенбаумский парк, скованный лютой зимой. Я снимаю жильё возле парка за сороковник в месяц, чтобы как-то пережить и переработать зиму, но для печали нет оснований. Парк не скучен и прекрасен. Верхний пруд перед Меншиковским дворцом закрыт льдом и снегом, а подо льдом, пусть и небурная, как осенью, живёт вода, вытекает из пруда через плотину, колеблется черной речушкой в желтоватых торосах, набирая силу на выходе из парка. Черная речушка с клетками снежных бугорков...

А в ноябре желто-кремовые стены дворца отражались в воде и небо отражалось в воде, делая голубой воду и тончайший ледок, даже не ледок лединец, разноцветный от неба и стен...

Но все-таки - зима. Пора вставать, но я еще долго сижу за столом, размышляя о южном кейфе, наблюдая, как за окнами гаснет день. По полу сифонит от окна к двери. У меня густая, криво остриженная борода и поредевшие, немывтые волосы. Мыться в такой мороз мука и суцая нелепость; Опять в половине домов полопались водопроводы. Значит, спасибо и за этот северный кейф над чашкой чая с цитрусовой коркой.

- Кайф, - говорю я, - кайф. Да, удивительна судьба слов! Они ведь - как люди... Но у нас-то говорят кайф, естественней тут громкое русское а, заменившее е, - этот протяжный крик муэдзина.

Мне нравится разговаривать с самим собой. Вынужденное и желанное одиночество предоставило-таки возможность выговориться.

Так бы и сидеть возле печки, предаваясь необязательным рассуждениям, но пора выходить на лютую улицу.

Я допиваю быстрым глотком остывший чай и закашливаюсь до слез.

У меня насморк и мне тридцать шесть лет...

В июне 1968 года мне исполнилось восемнадцать, Я уже мог жениться и мне предстояло служить в армии. Но от армии у меня имелась отсрочка, а новым правом просто не успел воспользоваться.

В июне 1968 года я оказался в Париже, через месяц после знаменитой студенческой полуреволюции. Деревья валили на баррикады и в Латинском квартале теперь множество пней, а стены располосованы красным: Нет капитализму! Нет социализму! Да здравствуют Че Гевара и Мао! Увидев аккуратные пни в районе Сорбонны, я долго гадал: Чем пилили? Бензопилой, наверное? Как-то не представлялся парижский студент с двуручкой.

В маленьком городке Ля-Бурже, где родился Паскаль (это если от Парижа на юг через Дижон - то ли в Бургундии, то ли в Шампани, то ли во Франш-Конте), состоялся матч молодежных команд СССР - Франция по легкой атлетике, в котором я принимал участие. Неожиданно мы матч проиграли. После проигрыша нас долго везли автобусом в разноцветном, густом, знойном французском вечере, высадив возле здания, стилизованного под старинный постоялый двор. В том здании состоялось нечто вроде товарищеского ужина. На нем наши французские коллеги и сверстники вели себя так, что на Средне-Европейской возвышенности подобное бы квалифицировалось как мелкое хулиганство. Коллеги переворачивали столы, били посуду и все это легко и весело, словно праздновали полупобеду своей полуреволюции. И еще они пели Мишел Леннона и Маккартни. Я знал эту песню с пластинки Битлз Резиновая душа и подпевал незатейливый, казалось тогда с особым смыслом, припев: - Аи лав ю, аи лав ю, аи лав ю!

К июню 1968 года я знал полтора десятка аккордов на гитаре, в которых и упражнялся без устали. Я был молод, полон честолюбивых амбиций и самонадеян. Впереди была вся жизнь.

Побывав в местах, где буквально накануне бунтовала молодость, я утвердился в юношеском нигилизме и через год в Сочи, где состоялся ответный матч, явился в рваных джинсах, рваной футболке, с волосами до плеч, с первой щетиной и гитарой, озадачив тренеров сборной. Те все спрашивали о здоровье. Но в нездоровье я уже был не один. С Лехой Матусовым после тренировок где-нибудь на скамеечке под платанами брякали на гитаре по очереди. И в Ленинграде хватало единомышленников.

Даже существовали в Ленинграде настоящие рок-группы, но на их выступления я попасть не мог и поэтому пытался собрать собственную.

Где-то в шестьдесят пятом по ленинградскому радио прокрутили безобидную песенку Битлз - Герл, сообщив, что исполняют ее наши друзья, грузчики из Ливерпуля. Грузчики быстро разбогатели, достигнув классово чуждых коммерческих вершин, и быстро переориентировавшись, друзей стали поносить почем зря. Умельцы тогдашней контрпропаганды добились того, что скоро российские тинейджеры уже бегали друг к другу с магнитофонными кассетами и крутили их сутки напролет на худых отечественных магнитофонах.

. Отец научил меня когда-то исполнять на мандолине Коробейников, используя тремоло, и этого опыта оказалось достаточно, чтобы с самонадеянностью восемнадцатилетнего, освоив на гитаре несколько звучных аккордов в первой позиции, я начал выдавать первую песенную продукцию.

Пройдя все стадии полового созревания, школу и Университет, наслушавшись Битлз и Роллинг стоунз, я с восторгом человека, выросшего на диетическом питании и вдруг отведавшего восточных перченых блюд, набросился на рок. Молодость жаждала остроты, и поклонение гонимому року давало ее в полном объеме.

В Америке молодежь бунтовала против вьетнамской войны, в Европе против всего сразу, а в авангарде бунта шла рок-музыка. Музыкальное явление, впитывавшее по ходу всякие звуковые традиции, ложившиеся на четный ритм, оно наполнилось молодежным нигилизмом и нам, коль уж созрели и жаждали остроты, ничего не оставалось, как отращивать волосы, переодеваться в рваное, выпиливать из спинок кроватей деки для электрогитар и в спешном порядке искать объекты для отрицания.

Битлы, красивые аккуратные юноши, певшие красивые аккуратные песенки, стали по-хорошему злыми и небритыми и подтвердили участие в мировом молодежном восстании гениальными пластинками - Оркестр клуба одиноких сердец Сержанта Пеппера (1967) и Двойной альбом (1968). Негр Джимми Хендрикс стал играть с белыми музыкантами Митчеллом и Редингом и потряс мир двадцатилетних своей говорящей, кричащей, рыдающей гитарой. Джим Моррисон из Дверей сделался символом протеста молодой Америки и вместе с Дженнис Джоплин уже приближался к той грани, за которой начиналась посмертная слава. Ян Андерсон, Джо Кукер, Род Стюарт, Прокл Харум, Лед Зеппелин, Пот, кровь и слезы, Великий мертвец и много, много прочих - да, это были имена! Мерси-бит, ритм-энд-блюз, первые сполохи хард-рока... Толпы хиппи мечтали об

Индии, наркотики же еще не стали болезнью миллионов и миллиардной преступной коммерцией, а лишь казались одним из условных символов восстания.

Мик Джаггер, лидер Роллинг Стоунз, теперешний мультибогач, почти не уступал в популярности Джону Леннону после исполнения своей и Кейса Ричарда композиции Удовлетворение. Стоунз выпускают в пику битлам две прекрасные пластинки Сатаник (1967) и Банкет нищих (1968). На картонном развороте еще можно увидеть гитариста Брайана Джонса, но его уже нет в живых - первая жертва арьергарда наркотиков, первый мученик в реформаторском воинстве рок-н-ролла. Скоро с ним в ряд встанут Джоуплин, Моррисон, Хендрикс...

Элвис Пресли, кажется, сказал афоризм:

- У каждого свой рок-н-ролл.

Выпилив лобзиками деки из родительских кроватей, приладив грифы, звукосниматели и струны, мы, доморощенные нигилисты, сбивались в рок-группы, которых к концу шестидесятых бунтовало в каждом вузе по несколько. В америках рок-музыку уже скупал большой бизнес, а нас же, по Пресли, ждал свой рок-н-ролл, который, подлец, испортил жизнь многим...

Боб Галкин прыгал с шестом, Леха Матусов прыгал с шестом, я прыгал в высоту без шеста, а Мишку Марского звали среди своих Летающим суставом за худобу и подвижность. Он учился в Высшем художественном промышленном училище имени Мухиной, Мухе, в актовом зале которого мы и репетировали в окружении тяжелых гобеленов, резных дверей и витражей, допущенные в этакую роскошь с нигилистическими задумками при попустительстве деканата.

Боб Галкин пытался освоить четные ритмы на барабанах, Леха Матусов никак не мог совладать с бас-гитарой, я претендовал на первую гитару, а Мишка Марский колотил по клавишам рояля так, что мне, несмотря на освоенный нигилизм, делалось страшно.

Мы собрали по сусекам пару плохоньких усилителей, плохонькую акустику, пыльный лакоон проводов, хреновенькие микрофоны. К барабанам нашим постыдился б притронуться барабанщик пионерской дружины.

Не подозревая дальнейшего развития событий и педагогически поддерживая увлечение музыкой, вспомнив об успешно разученных мной в отрочестве Коробейниках, мама подарила мне чехословацкую гитару Иолана-Star-V, купленную по случаю и стоившую фантастически дешево по сравнению с нынешними ценами - сто шестьдесят рублей.

Я сочинял музыку, по ходу осваивая квадрат и нисходящие гармонии, сочинял слова, подгоняя мужские и женские рифмы, сочинял аранжировки, узурпировал полномочия дирижера и диктатора, не терпящего возражений. Бывал неосознанно жесток к друзьям.

Однажды, рассерженный непонятливостью нигилистов, я объявил на репетиции конкурс дураков. Побеждал тот, кто более ошибался. Леху, кроме прочего, заставлял еще и выбивать чечетку, воплощать, так сказать, режиссерскую задумку.

Не знаю, почему они слушали меня, а не надавали по шее. Я требовал, требовал, требовал, не понимая, как можно сослаться на очередную сессию, очередную девицу, на что-то там еще, а не бросить все и репетировать, репетировать, репетировать. Их молодецкие заботы казались предательством по отношению к нигилизму. Вся жизнь была впереди, подходил к концу шестьдесят девятый год.

Теперь-таки, через столько лет, рок-музыку перестали замалчивать или только ругать. Вдруг ее стали нахваливать почти без разбору, вдруг объявилось множество людей, желающих писать о ней или с ее помощью. И поселившись в Ораниенбауме с видом на царские чертоги, я неожиданно испугался, что распишут ее по необязательным страницам. Куда ж мне тогда деваться со своими воспоминаниями?..

Волосатикам вслед плевали старушки, хмурились милиционеры. Иногда за длинные волосы могли побить. Несколько раз, возвращаясь с репетиции вечером, мне приходилось защищать честь и защищать кулаками. Родители перестали со мной разговаривать. В припадке какого-то юношеского безумия я ночами слушал новую музыку, записи или пластинки, днем сочинял сам, вечерами репетировал в Мухе, терроризируя товарищей, доставал динамики, сколачивал акустические колонки, паял провода, таскал, таскал, сотни раз таскал аппаратуру по этажам Мухи, из Мухи и в Муху, когда нас гнали оттуда и возвращали обратно. Мне не исполнилось еще и двадцати.

Тогдашние городские рок-группы, если и пели собственносочиненное, то лишь в виде кокетливой добавки к фирме. Это называлось снять один к одному. Лесные братья, Аргонавты и Фламинго копировали лучше всех. Мы же репетировали свое, тяп-ляп, ржавые гвозди и горбыли, но - свое. Творили, елки-палки, наперекор Востоку и Западу. Как въедливый юноша, ночами я вслушивался не только в рок-н-роллы, но и, накупив по дешевке, в записи Вивальди, Баха, лютневой музыки, Малера и прочих, оплодотворяя в памяти рок-н-роллы гармониями великих. Впрочем, это лишь расширило кругозор, не прибавляя ничего к скайфлз, музыке

подворотен, которую я сочинял. Правда, тогда мы временно репетировали в окультуренном подвале ЖЭКа. Выходит, это была подвальная музыка.

В результате конкурсов и иной террористической деятельности Боб и Леха отдались безраздельно прыжкам с шестом, а их место заняли блистательные слухачи, рыжие Лемеговы из Академии.

В подвал на репетицию Серегу принесли, а Володя пришел сам. Он сел за барабаны, дрянные барабаны ожили, запели на разные голоса, принесенный Серега перебросил ремень баса через плечо, басовым глиссандо вонзился в первую четверть. У меня аж слюнки потекли: такая получалась кайфовая ритм-секция!

Серега и Володя учились на архитектурном с Альбертом Асадуллиным, вместе музицировали до поры, но Альберт, сильный тенор, уже присматривался к профсцене. У братьевников имелась солидная практика, они были выразительные, с рыжими усами, рослые парни. Средний рост нашего нигилистического сборища равнялся ста восьмидесяти пяти сантиметрам, а это тоже имеет значение. До сих пор я считаю, что для успеха в первую очередь следует понравиться девицам в зале, а девицам в зале и не в зале отчего-то больше нравятся высокие.

Тогда же велись переговоры с Михаилом Боярским. Он учился в Театральном на Моховой, неподалеку от Мухи. Там же, на Моховой, он репетировал с Кочевниками в малюсеньком зальчике, одно время мы репетировали параллельно.

Помню лето, зной, шпильки отражаются в воде, ангелы и кариатиды. Берем лодку напрокат и гробом 740 каналу Грибоедова в ласковой тополиной июньской метели. Боярский говорит, будто намеревается собрать группу, голосами аналогичную Битлз. У меня басо-баритон, у него - высокий баритон. Мои нигилисты не аналогичны Битлз, а идеи Боярского не устраивают нас. И наш Санкт-Петербург.

Названию, прическам и иным аксессуарам нигилисты тогда, да и теперь, уделяли значительную часть своей нигилистической деятельности.

- ...Санкт-Петербург, - сорвалось с языка во время праздного толковища. Рыжие братаны и Летающий сустав замерли, молчали долго, цокали языками, я же, вспотев от удачи, ждал.

- Санкт-Петербург? - переспросил Летающий сустав.

- Круто! - сказали рыжие братаны.

Да, мы родились в этом городе, выросли в старом центре и город жил в нас и станет жить до последнего дня, мы плохо умели, но сочиняли сами, на родном языке, а ведь иные (многие!) доказывали:

- Рок не для русского языка! Короткая фраза англичанина - в кайф, а

русская - длинна, несуразна и не в кайф! Не врубаетесь?

Это оскорбляло. И мечталось, пусть не на уровне четкой формулировки, проявить себя, доказать, что приобретенные возрастом обязанность служить в армии и право жениться должны быть дополнены необходимостью обязанности и права на свой крик; словно новорожденные, мы мечтали закричать по-русски: Мы есть!

Я написал композицию Сердце камня и посвятил ее Брайану Джонсу: И у камня бывает сердце, и из камня можно выжать слезы. Лучше камень, впадающий в грезы, чем человек с каменным сердцем... Ми-минор, ре-мажор, до-мажор, си-мажор по кругу плюс вторая часть - вариации круга, да страсти-мордасти басо-баритона и ритм-секции. Я написал боевые композиции Осень и Санкт-Петербург.

У меня в допетербургские времена имелся некоторый опыт: провал на вечере биологического факультета в ДК Маяк, случайный наш квартет первокурсников играл плохо и нас освистали; однажды помогал играть на танцах в поселке Пери ансамблю, собранному из охтинских рабочих парней - помню пыльный зальчик, помню, как перегорели усилители, помню, дрались в зале из-за девиц и помяли заодно кого-то из оркестрантов...

Уже запекались по утрам на парапетах первые льдинки. Днем же сеял дождик, а встречный ветер боронил невские волны. Той осенью семидесятого года я рехнулся окончательно. Часть жизни, что была впереди, начиналась,

У Санкт-Петербурга появилась мама, рок-мама Жанна - взрослая, резкая, выразительная женщина-холерик. Она устраивала джазовые концерты (с Дюком Эллингтоном и его музыкантами организовала встречу в кафе Белые ночи; в припадке восторга городские джазмены повыдавили там стекла и снесли двери), устраивала концерты первым нашим самостийным рок-группам и, побывав случайно на репетиции Санкт-Петербурга, решила содействовать нам.

Сошедший с ума, я получил с ее помощью неожиданное приглашение выступить на вечере психологического факультета Университета. Нам даже обещали заплатить сорок рублей.

Стоит вспомнить, как концертировали первые рок-группы. Контингент болельщиков был не столь велик, сколько сплочен и предан, рекрутировались в него в основном студенты. В вузах же, под видом танцевальных вечеров, и проходили концерты. Зал делился по интересам - к сцене прибивались преданные, а где-то в зале все-таки выплясывали аутсайдеры прогресса. Муха, Университет, Академия, Политехнический,

Бонч, Военмех-надо б там вывесить мемориальные доски.

Рок-групп наплодилось, словно кроликов, каждую субботу выступали в десятке Мест. Героические отряды болельщиков проявляли поистине партизанскую изворотливость, стараясь проникнуть на концерты, поскольку на вечера пропускали только своих учащихся, а посторонних боялись, зная, чем это может кончиться. Но все одно кончалось. Отчего-то наиболее удачно просачивались через женские туалетные комнаты. Иногда влезали по водосточным трубам. Иногда приходилось разбирать крышу и проникать через чердак. Главное, чтобы пробрался в здание хотя бы один человек. Этот человек открывал окна, выбивал черные ходы. Если здание оборонялось, и местные дружинники перехватывали хитроумных лазутчиков, шли повзводно напролом, пробивали бреши, срывая с петель парадные двери, и растекались по коридорам. Бред какой-то! Видимо, не я один сошел с ума той осенью семидесятого года...

Мы привозим На Красную улицу нашу электрическую рухлядь. Там в низеньком особнячке, дугой обнявшем двор с булыжным старинным покрытием, расположился факультет психологов. Актальный зал оказался с небольшой низкой сценой, с большими, до пыльного потолка, окнами.

Расставляли с брательниками и Мишкой усилители и акустику, пробовали микрофоны и пытались разобраться в проводах. Эти красивые рослые парни не волновались. Я им заговорил зубы, затерроризировал уверенностью, а сам же уверен не был, и теперь мне было зябко, нервничал. Жизнь еще только была впереди и это теперь легко делать выводы и теоретизировать о происхождении и социально-музыкальных составных рок-музыки и причинах ее успеха.

Громко появилась Жанна, рок-мама:

- С премьерой вас, мужики! - Голос у нее высокий и ломкий. Она на таких, как мы, насмотрелась, а на меня, тогда глянув, добавила: - Перестань, право, дурить. Теперь уже ничего не исправишь, - и довольно засмеялась.

- Н-нет. Н-надо пор-репетировать. - Я еще и заикаться стал.

- Какие к черту репетиции! Поздно! Идите в комнату и ни о чем не думайте. Будете слушать рок-маму или нет?

- Жанна! - крикнул Мишка. - Из Мухи человек двадцать придет. Не знаю, как провести.

- Да, - сказал Серега, отрываясь от гитары, а Володя пояснил: - И из Академии притащатся. Надо провести. Они все с бутылками притащатся.

- Какие бутылки! - прикрикнула Жанна. - У вас, же премьера!

- Я вам дам бутылки! - Я вспомнил о диктаторских полномочиях,

перестал заикаться и дрожать.

- Шутки, шуточки, - успокоил Серега, а мне опять стало страшно.

Особенного ажиотажа устроителями вечера не ожидалось, так как Санкт-Петербург еще никому не известен. Возможно, нас именно поэтому и пригласили. Но к вечеру народ начал подтягиваться. Аргонавты играли в тот день в Военмехе, а туда было пройти труднее всего. Кто-то, видимо, знал, что на психфаке вечер, и рок-н-ролльщики с кайфовальщиками (как-то надо называть ту публику), сняв осаду с ВоенМеха, рванули на Красную улицу. Особнячок взяли на копье, между делом, даже не причинив ущерба.

За сценой находилась небольшая артистическая, я смотрел в щелку на толпу, запрудившую зальчик. Холодели конечности, била дрожь, а моим нигилистам - хоть бы что. А Жанне - только б веселиться в центре внимания.

Я не боялся публики, привычный к публике стадионов, и вдруг разом мое безумие устремилось в Новое русло:

- Встали! Готовность - минута! Первой играем Осень!

Я стоял в гриме, разодетый в малиновые вельветовые брюки и занюханную футболку. На ногах болтались разбитые кеды. Коллеги мои были под стать, а тогда, надо заметить, на родную сцену даже самые отпетые рокеры выходили причесанные и в костюмчиках.

- Ну и ну, - сказал Серега и подкрутил рыжие усы.

- Во, правильно. Щас покайфует, - улыбнулся Летящий сустав.

- Облажаемся, вот и покайфует, - хмыкнул Володя.

- Пора, мужики, - засмеялась Жанна, - Я пока окно открою. Ничего, со второго этажа прыгнете, если бить станут.

- Играем Осень, а потом блюз! И провода не рвать! - Я устремился к двери, коллеги за мной. Дернул ручку на себя, помедлил, - из зала неслись голоса и табачный дым - помедлил, сбросил кеды и выбежал на сцену босиком.

Мы врезали им и Осень, и Блюз номер 1 и Сердце камня без пауз, поскольку страшно было останавливаться, а остановившись поневоле и услышав ликование, выразившееся в свисте, топоте, битье в ладоши, бросании на сцену мелких предметов, остановившись и сфокусировав зрение, и различив их лица, насмешливо-приветливые, возбужденные, вакхические и юные, эти милые теперь мне лица моей юности, остановившись поневоле, я зло понял, что зал теперь уже наш.

Мы играли дальше под нарастающий гвалт, я метался по сцене, как пойманный зверь, размахивая грифом гитары и падая на колени, хотя никогда не метался и не падал на репетиции, и не собирался метаться и

падать, но так подсказал инстинкт и не подвел, подлец, поскольку вечер рухнул триумфом и началась на другой день новая и непривычная жизнь, жизнь первой звезды городского молодежного небосвода волосатиков, властелина сердец, властелином стал на четыре Долгих года Санкт-Петербург...

Через неделю мы выступали в Академии и весь город (условный город волосатиков) пошел на штурм. Двери в Академии сверхмощные, а лабиринты коридоров запутанные и шанс устоять у администрации имелся. Но вокруг Академии стояли строительные леса, замышлялся ремонт фасада, и это решило исход дела.

Санкт-Петербургу предоставили в распоряжение спортивный зал и теперь нам обещали через профком шестьдесят рублей.

Все желающие не смогли пробиться в Академию. Главные двери уцелели, но защитникам пришлось распылить и без того ограниченные силы и гоняться за волосатиками по лесам, походившим издали, говорят, на муравейник. Администрация пыталась перекрывать двери внутри здания и это, отчасти сдерживая натиск, лишь отдаляло развязку.

Случайный имидж премьеры, вызванный страхом и инстинктом самосохранения, стал ожидаемым лицом Петербурга и было б глупо не оправдать ожиданий.

Малиновые портки оправдали себя, а босые ноги - особенно. Я добавил к костюму таджикский летний халат в красную полоску, купленный год назад в Душанбе, а на шею повесил огромный будильник.

В спортзале не предполагалось сцены и мы концертировали прямо на полу. На шведских стенках народ сидел и висел, как моряки на реях, перекладыны хрустели и ломались, кто-то падал. В разноцветной полутьме зала стоял вой. Он стоял, и падал, и летал. И все это язычество и шаманство называлось вечером отдыха.

Я сидел на полу по-турецки или по-таджикски и сплетал пальцы на струнах в очередную композицию, когда вырубили электричество. Сквозь зарешеченные окна пробивался белый уличный свет. В его бликах мелькали тени. Стоял, падал, летал вой и язычники хотели кого-нибудь принести в жертву. Тогда Володя стал лидером обесточенного Петербурга и на сутки затмил славу моей Осени. Он проколотил, наверное, с час, защищаемый язычниками от поползновений администрации. Он был очень приличным барабанщиком, даже если вспоминать его манеру играть теперь. Особенно хорошо он работал на тактовом барабане и особенно удавались ему синкопы. Он играл несколько мягковато и утонченно для той агрессивной манеры, что желал освоить, но таков уж его характер, а ведь именно

характер формирует стиль...

Братьев Лемеговых все же не исключили из Академии. Наше выступление даже пошло на пользу - ремонт здания уже нельзя было откладывать на неопределенное потом.

В родительской квартире на проспекте Metallistov (то ли в честь Фарнера или Гилана на радость теперешним металлистам) я оставался один и с утра телефон не умолкал, напоминая о славе и подстегивая самолюбие.

Звонили и по ночам. Приходилось выбегать из постели в коридор, пока не успели проснуться родители.

Слышались в трубке смешки, долгое дыхание, перешептывание, хихиканье. Утром звонили приятели по делу и с лестью, а по ночам звонили не по делу девицы: Вы извините... хи-хи... Вы, конечно, нас простите... хи-хи... Может, вы не отказались бы сейчас к нам... хи-хи... Сейчас приехать вы можете? Отчего-то ночные звонки злили. Я, естественно, мог приехать, а иногда даже хотел, но теперь приходилось быть настороже.

Пришлось на ходу досочинять программу, убирать из нее некоторые песни лирико-архаического толка, заменяя на тугой около-ритм-энд-блюз. По утрам я колотил на рояле, тюкал известными мне аккордами и манкировал Университет. Чиркал на бумажке:

Мои гнилые кости давно лежат в земле.

Кофе, кофе, кофе, ты - аутодафе!

Это сочинение так и не дожило до сцены.

- Ты, как вино, прекрасна. Опьянешь, как оно. Ты для меня, как будто веселящее вино! - а вот это стало супер-боевиком.

Петербург довольно быстро привык к славе и стоили мы теперь около восьмидесяти рублей. Но рублей не хватало, поскольку усилители у нас были плохонькие, акустика хреновая, микрофоны вшивые, а провода запутанные. Этих рублей не хватало никак.

И еще я собирал пластинки. Собрал десяток пластинок Битлз в оригиналах Парлафона и Эпплз от Плиз, плиз ми до Лет ит би, десяток Роллинг стоунз, Стенд ап и Бенефит андерсеновского Джексо Талла плюс охапку классической музыки.

В начале 1970 года я в последний раз отличился на спортивном поприще, выиграв серебро на Зимнем первенстве страны среди юниоров по прыжкам в высоту, а весной в Сочи повредил коленный сустав, а в конце года, залеченное казалось бы совсем, порвал колено еще раз. На перекрестке судьбы с юношеским вселенским задором думалось

возможным все - и причуды первой звезды рока, и суровая олимпийская стезя.

Мой тренер, великий человек, сокрушался:

- Он хиппи! Я же был в Америке я видел таких с гитарами. Он же настоящий хиппи! Сделайте же с ним что-нибудь!

Но я не относился ничуть к бездеятельным хиппи. Я являлся деятельным безумцем молодежи, не понимая, в начале какой тропы нахожусь.

Во второй половине шестидесятых к року относились у нас в стране административно-культурные единицы снисходительно-доброжелательно, а к концу десятилетия надменно и обиженно-индифферентно. Кажется, в 1969 году ленинградский состав Фламинго выступал в Политехническом институте и перед выступлением у Фламинго сломались усилители (добрая наша традиция). Пока усилители чинили специалисты, публика чинила залу ущерб, вырабатывая по Павлову рефлекс на отечественный рок. Тот день стал переломным во взаимоотношении административно-культурных единиц и любителей новой музыки. Вышел указ, обязывающий иметь всякому ансамблю в составе духовую секцию, запрещающий исполнять композиции непрофессиональных авторов, обязывающий всякую группу приезжать в Дом народного творчества на улицу Рубинштейна и сдавать программу комиссии, состоящей из тех же административно-культурных единиц. Однако! Мы и такие, как мы, мыкались по случайным помещениям, из которых нас гнали взашей по поводу и без повода, мы скопидомничали, собирая жалкие рубли на аппаратуру, мы, собственно, были вольными поморами, а нам предлагали крепостное право, нам предлагали оставаться народной самодеятельностью, но ничего не делать самим. Разрешалось лишь мыкаться и скопидомничать.

Однако систему пресечения еще не отработали, но это был первый шаг, точнее подталкивание к подполью. Удавалось еще концерттировать в вузах, но противникам уже удавалось пресекать концерттирования. К началу 1971 года в стылом ленинградском воздухе запахло войной...

Коля Васин, условно его так назовем, рослый и восторженный бородач, заметно выделялся из публики тех лет. Он считался реликвией и гордостью города (условного города волосатиков), потому что никому более не то чтобы не удавалось, а даже и не мечталось получить посылку от самого Джона Леннона. А Коля Васин получил. После раскола Битлз. Джон собрал Пластик Оно Бенд, который выступил с концертом в Торонто. Коля Васин поздравил 9 октября 1970 года Джона Леннона с тридцатилетием, а благодарный Джон Леннон прислал Коле Васину

пластинку с записью концерта в Торонто. Там Джон исполнил Дайте миру шанс и под его лозунгом проходят сейчас массовые форумы борцов за мир. Коле Васину от Джона Леннона с приветом - такой автограф на невских берегах не имел цены.

Этот-то Коля Васин и вызвал меня к себе по очень важному делу. Не помню точно, но, кажется, стояли холода и я долго трясся в трамвае, пока добрался до Ржевки. В этом несурзном районе, где деревянные частные дома соседствовали с застройками времен малых архитектурных излишеств, и жил корреспондент лидера Битлз. Найдя дом, я поднялся по лестнице и позвонил. Мне открыл Коля Васин. Он был одет в широкую, не заправленную в брюки, белую рубаху и домашние тапочки. Мы обнялись по-братски. Я довольно сдержан в проявлении чувств, но так полагалось в этом доме. Мы прошли в комнату, по которой сразу можно было представить жизненные приязни хозяина. На стенах висели фотографии битлов, особенно Джона, стеллажи были заставлены коробками с магнитофонными пленками, тут же стоял магнитофон и колонки, проигрыватель, пластинки стопками лежали повсюду, а увесистые, величиной с рождественский пирог, альбомы составляли, пожалуй, главную достопримечательность. Коля Васин работал художником-оформителем и, судя по этим альбомам, художником-оформителем являлся отменным. Несколько альбомов он посвятил Битлз, имелся альбом, повествующий об истории отечественного рока. В нем хранились редчайшие фотографии и если б его сейчас издать, то издание б пользовалось спросом и его можно было б обменивать населению на макулатуру. И это без обидного подтекста.

Коля Васин сказал:

- Есть идеи. Есть замечательные идеи. Сейчас придет наш человек и все расскажет, а пока, извини, старик, я поставлю Джона.

Он поставил Джона, закрыл глаза и, сидя в кресле, стал раскачиваться под музыку Джона, кайфовать, а я стал ждать нашего человека, поскольку ехал на Ржевку не кайфовать, а слушать идеи.

Скоро наш появился, Худощавый и белокурый, с нервным лицом, с прозрачными глазами, и очень внимательными глазами, одетый в серый костюм, светлую рубашку, галстук. На лацкане пиджака поблескивал комсомольский значок, и не просто значок, а с золотой веточкой. Такой значок должен был говорить об особых полномочиях. Тогда я представлял нашего человека другим волосатиком в поношенной экипировке, так я выглядел сам, но Коля Васин предупреждал - придет наш, а я верил Коле Васину.

- Арсентьев, - представился человек с полномочиями. Он смотрелся года на двадцать четыре.

Арсентьев сел, потер зябко ладонь о ладонь, помолчал и начал говорить, словно не для меня, а вообще, лишь изредка бросая короткие взгляды:

- Есть идея организовать клуб. Некое сообщество людей, объединенных одними интересами и таковой опыт уже имеется по организации фотоклубов, филателистических и нумизматических клубов. С молодежью, увлекающейся рок-музыкой, дело обстоит не просто, но есть мнение, которое я представляю, что стоит попробовать и объединить их, и сбить нездоровый ажиотаж, который музыкантам только вредит, и дать рост наиболее талантливому.

- Санкт-Петербург - самая крутая команда в городе! - это Коля Васин перестал кайфовать и включился в разговор.

Арсентьев посмотрел на меня внимательно и продолжил:

- Но и много, естественно, противников. Поэтому мы должны сперва организовать, представить программу действий, провести ряд мероприятий и поставить противников перед фактом. Эта анархия, это каждый за себя - ничего не даст. Может, стоит подумать и приобрести общую клубную аппаратуру и тем гарантировать профессиональное звучание всякого выступления.

- Да, да, аппаратура нужна! - Я был согласен. Я был согласен объединиться хоть с чертом лысым, чтобы гарантировать профессиональное звучание, и не мог сдержать волнения перед нашим человеком, обладающим полномочиями.

- Уже согласились Аргонавты, Белые стрелы, Славяне и даже Фламинго. Мы победим, старик! - воскликнул Коля Васин.

Помню, опять было холодно, но лед на Неве уже сошел. Мне велели явиться в один из воскресных дней к Медному всаднику, что я и сделал. Большая группа волосатиков по велению Арсентьева также явилась к памятнику. По ходу приветствуя знакомых, подхожу к Летающему суставу.

- Чего ждем? Что-то будет, Мишка?

- А все ништяк, чувачок, ништяк! Зачем-то ведь звали.

Я завидовал простоте его реакций, чувствуя, что неожиданная слава делает меня осторожным и даже пугливым.

Подходили знакомые, посмеивались, подошел Коля Басин, восторженный голос его слышался издали. Он был в кожанке времен Пролеткульта, кепке восьмиклинке, сшитой из потертой джинсовой ткани, крупный круглый значок на лацкане кожанки с I Love John походил на

мишень, и вся наша пестрая группа походила на мишень. Но выстрела не произошло. Раздалась команда и мы двинулись к дебаркадеру, что стоял у парапета напротив Медного всадника и, к общему удивлению, погрузились на речной трамвайчик, который тут же и отвалил от дебаркадера.

Появился Арсентьев. В аккуратном плаще строгой расцветки, с аккуратным пробором. Он вежливо приветствовал каждого рукопожатием. Ладонь у него оказалась холодная, а пальцы цепкие и сильные. Руководителям групп предлагалось пройти в овальную каюту, а рядовым деятелям рок-музыки - в общую.

- Касты какие-то, - расстроился Мишка. - Вы, значит, брахманы, а мы пушечное мясо рок-н-ролла? Н-да. Ништяк!

В овальной каюте собралась элита и Арсентьев повторил более развернуто то, что я уже слышал на Ржевке, и предложил наметить конкретный план и проект Устава создаваемого Клуба. Говорили много глупостей, Арсентьев конкретизировал и поправлял, а еще конкретизировала и поправляла такая же белокурая и голубоглазая, как Арсентьев, молодая женщина, так же строго и аккуратно одетая и причесанная. Арсентьев и Белокурая сидели рядом. Дебаты продолжались бесконечно и я вышел в общую каюту, где оказалось веселее и бесшабашнее. Брякала посуда, курили - табачные облака клубились над головами рок-н-рольщиков, запах горчицы.

Музыкальная общественность изъявила желание и желание исполнилось речной трамвайчик подошел к ближайшему дебаркадеру и выборные от рок-н-рольщиков рванули в ближайший гастроном. По их возвращении круиз продолжился.

В итоге приняли на речном трамвайчике Устав, довольно жесткий Устав, многое запрещалось, постановили скинуться по двадцать рублей в кассу Клуба и от Арсентьева получили указание ждать следующие указания.

Этот вольный, разинский круиз добил сомневающихся, и теперь мы представляли из себя ярких сторонников долгожданного Клуба, что принесет долгожданную легальность, признание и профессиональное звучание.

А пока что квинтэссенцией сезона, катаклизмом года, землетрясением нравов... Мухинскому училищу исполнялось сколько-то там круглых лет. Нас, как сиюминутных знаменитостей, чуть не слезно просили украсить выступлением Санкт-Петербурга юбилей. Мы и украсили, чем смогли.

На вечер прибыло много выпускников прежних лет и они, придя по пригласительным билетам к началу вечера, увидели огромную толпу,

сгрудившуюся у дверей, запрудившую даже пол-улицы, на которую выходил фасад училища. Испуганный милиционер пытался объясниться с толпой через мегафон, но толпа имела навык, толпа стояла стеной, и обладатели пригласительных билетов в большинстве не смогли попасть в училище, а наиболее активных, возмущавшихся вслух, пытавшихся пробиться к дверям юбиляров, милиция как раз и забирала. Имевшая же навык толпа напирала, но напирала, не нарушая явно предписаний социалистического общежития.

Я оказался в толпе, и меня передали через толпу к дверям на руках. В самом училище оказалось не лучше. Затейливые коридоры барона Штиглица походили на цыганский табор. Единственно, что не жгли костров. Осторожность и пугливость во мне прогрессировали и приводили к противоположным проявлениям. И хотя я более не практиковал выбегать на сцену босиком, но на колени все же падал, и метался зверем, и прыгал через колонки, и кричал в микрофон про осень и сердце камня. А Володя лишь еще более преуспел в синкопах, а Серега еще и дул в губную гармонику, а Мишке хоть и было иногда не до клавишей, но зато еще более он соответствовал прозвищу Летящий сустав, летая по сцене с бубном и чаруя экзальтированных болельщиц.

Теперь я даже ставил под удар родителей: они занимали довольно серьезные должности на производстве, и на одном из совещаний по идеологии упомянули так называемую рок-музыку, упомянули и Санкт-Петербург, приписав ему чуть ли не монархистские настроения.

Я этого не понимал. Мы ведь просто сочинили музыку и слова к ней. И просто выступали не бог весть на каких подмостках. Может, это была хреновая музыка и слова, но мне казалось, что, наоборот, Петербург, запевший на родном языке, достоин пусть не поддержки, но хотя бы невмешательства. И я очень надеялся на Клуб, на Арсентьева и на его значок с золотой веточкой.

По сложной системе конспиративных звонков узнаю - ночью, на улице Восстания, в здании бывшей гимназии произойдет встреча лучших клубных музыкантов с польской рок-группой Скальды, приехавшей в СССР на гастроли. Иметь при себе три рубля на организационные расходы. Играют с нашей стороны Фламинго и Санкт-Петербург. Под утро - джем, то есть совместное и импровизационное выступление музыкантов из разных составов. Лишнего не болтать. Аппарат выкатывает Фламинго.

Не болтая лишнего, собираемся и едем в метро, встречаем в дороге Никиту Лызлова, бывшего участника одной из университетских групп. Никита учился на химическом и там устраивал Петербургу концерт.

Не болтая лишнего, зовем Никиту с собой.

- Ночью! Концерт со Скальдами? Бред! - У Никиты крупное, вытянутое лицо и широкий лоб марксиста, грамотная усмешка и прочный запас юмора, - Но ведь разыгрываете!

Закljučаем пари и едем, на улице Восстания находим гимназию - тяжелое, мертвое, без света в окнах здание. В дверях быстрая тень - открывают. Поднимаемся по гулкой, пустой лестнице и оказываемся вдруг в большом ярком зале, с узенькими, занавешенными окнами. Народу мало - все знакомые. Но незнакомое чувство простора и свободы в ограниченном просторе гимназии, в которую они вошли по-человечески через дверь, а не через пресловутую женскую туалетную комнату, это незнакомое состояние делает их робкими, тихими, даже серьезными.

Знакомят со Скальдами. Братаны Зелинские, Анджей и Яцек, с сотоварищами - очень взрослые и соответственно пьяные славяне. Арсентьев тут же, и Васин, и всякая музобщественность, обычный мусор, которого - чем с большим напором катила река рок-н-ролла - всегда хватало.

Играет Фламинго, играет Санкт-Петербург. С помощью проигранного Никитой пари разошлись-таки в непривычной обстановке и комфорте, и я свое откувыркался по сцене и падал несколько раз на колени, про себя понимая, что пора менять имидж Петербурга, имидж ярых парубков на что-то другое, на имидж людей не стремящихся к успеху, а достигших его.

Братя Зелинские, надломленные гастрольным бражничеством и буйством ночного сейшена, на вопрос Росконцерта - с каким из советских вокально-инструментальных ансамблей Скальды согласились бы концерттировать? ответили:

- Если пан может, то пусть пан даст нам Санкт-Петербург, - ответили и, говорят, заплакали.

Пан из Росконцерта не знал про Санкт-Петербург, а если и знал, то знал так, как знала Екатерина II про Пугачева - страшно, но очень далеко, а между мной и им не один полк рекрутов и не один Михельсон - преданный генерал...

После комфортного сейшена на улице Восстания конспиративный авторитет Арсентьева и, конечно же, Васина стал непререкаемым. Мне же казалось - я более не распоряжаюсь полностью своим детищем, своим Санкт-Петербургом, а становлюсь исполнительным унтером в железном легионе Арсентьева.

Его адепты, закатив невидящие глаза, повторяли: Идея - Наша идея - Идея нашего Клуба - Мы не позволим, чтобы кто-то предал нашу идею! -

Наша идея священна!

Однако черт с ними, - думалось мне. - Должны же быть и толкователи, священные авгуры, стоики и стойкие талмудисты. Если есть священная идея, то, пусть их, значит, она есть. Главное, Клуб - это глоток свободы, это минимальный комфорт, это будущие концерты без глупой тасовки с администрацией, которой вечно объясняй, что ты не чайник и не монархист, и не бил ты окон и не сносил дверей, хотя и рад, что кто-то бил и сносил, поскольку, если ты, администратор, видишь в нас монархистов, то мы видим в тебе козла вонючего, а точнее монархиста в квадрате, ведь это нужно быть стопятидесятипроцентным монархистом, чтобы услышать в наших лирических, пардон, песнях прокламацию абсолютизма!

В чем никогда не было дефицита, так это в дураках. Мы же стояли в первых их рядах...

А землю все-таки пробудило тепло, от тепла земля проросла травой, деревья - клейкими листочками. Ночи же от весны к лету становились все светлее, пока не вылиняли, как тогдашний мой Wrangler, купленный за тридцатку и застиранный до цвета июньских ночей.

Я отвечаю теперь не только за Санкт-Петербург, но и за группу кайфовальщиков, любителей подпольных увеселений. Санкт-Петербургом я распоряжаюсь не полностью, но зато кайфовальщики теперь в моих руках.

По системе конспиративных звонков узнаю время и номер телефона. Звоню. Голос женский.

- Группа номер пятнадцать, - называю.

- Двадцать три - тридцать, - отвечает. - Адрес - улица X, дом У.

Звоню кайфовальщикам и договариваюсь возле Финляндского. Конспирация вшивая. Из цветасто-волосатой толпы, пугающей своим видом спешащих к субботним электричкам трудящихся, ко мне пробиваются кайфовальщики из группы номер 15 и сдают по трехе. Погружаемся толпой в удивленные трамваи и, громыхая, укатываем на улицу X, дом У.

На Охте находим дом - школа нового, индустриально-блочного типа. А ночь светлее юности...

Арсентьев и подруга его белокурая - словно клуха и петух, а яркий галстук Арсентьева только подчеркивает сходство.

В зале битком. Несколько киношных софитов стоят возле сцены, а на сцене мрачноватые поляки из группы обеспечения Скальдов раскручивают провода. Сдаю трешницы кайфовальщиков Арсентьеву в фонд Клуба. Разглядываю мрачноватых поляков и ту аппаратуру, что они подключают.

Аппаратура что надо - Динаккорд и клавиши Хаммонд-орган. Появляются братья Зелинские с сотоварищами. Такие веселые. Они опять в России на гастролях. И, полтыщи кайфовальщиков в зале становятся все веселее. А в спецкомнате поляков веселили на трешницы кайфовальщиков.

Скальды выходят на сцену играть на Динаккорде, а зал орет им, а старший Зелинский пилит на Хаммонд-органае, а младший - на трубе или скрипке. И сотоварищи пилят на басае и барабанах. А когда Скальды на прощание играют Бледнее бледного из Прокл Харум, в зале начинается чума. Или холера. Какая-то эпидемия с летальным исходом в перспективе.

- Ну, полный отлет! - кричит Летаящий сустав, а рыжие Лемеговы ухмыляются нервно.

Эпидемия продолжается и когда Скальды уходят со сцены в ту комнату, где их поджидает Арсентьев и Белокурая с парочкой приближенных добровольцев-официантов из рок-н-ролльщиков.

Мрачноватые поляки сворачивают Динаккорд и Хаммонд. Мы только хмыкнули.

Пока кайфовальщики чуменют в зале и на ночной лужайке возле школы, Аргонавты вытаскивают свои самопальные матрацно-полосатые колонки, а я думаю, что и это, пожалуй, сгодится для бандитско-музыкального налета.

Играют Аргонавты, - нормально играют и нормально поют, и лучше всего поют на три голоса из Бич Бойз, но это так - вчерашний день. А сегодняшний день - это мы, Санкт-черт-возьми!-Петербург, думаю я, чувствуя, как привычный озноб пробегает по телу, и это значит - выступление получится.

И оно получается. Рвем Аргонавтам все провода. В зале то же самое. Только в квадрате. Или в кубе.

Далее Зелинский на четвереньках выбирается на сцену и джемует по клавишам, а перед ним пляшут ленинградские мулаты Лолик и Толик до тех пор, пока Зелинский не падает в оркестровую яму. Веселая жизнь! Кайф!..

Хранится у меня пара затертых фотографий той ночи июня 1971 года. Косматый молодой человек в белых одеждах бежит по сцене с гитарой. Лица не видно почти. Тут же Серега, Володя, Мишка - дорогие моей памяти товарищи, объединенные порывом настоящего драйва, музыкального движения, гонки. И по мгновению, вырванному фотографом, можно восстановить вкус времени, как по глотку воды - вкус реки; а вкус тех лет - терпкий, с горчинкой противостояния, через которое входящее поколение больших городов пыталось, путаясь в чащобах, осознать себя. Да и не все вышли из чащи к ясным горизонтам, но ведь начинались те

самые семидесятые, о которых теперь сказано миром скорбно и зло. И не хочу я героизировать или романтизировать наше стихийное, противостояние тому, о чем теперь сказано миром скорбно и зло, но лишь предположить, что молодости, может быть, дан дар предчувствия больший, чем опыту... Да, опыта у нас не было совсем...

Параллельно с концертами Арсентьева еще проходили не централизованные новой властью выступления, и тут стоит вспомнить двухдневный шабаш в Тярлево в большом деревянном клубе, на сцене которого Санкт-Петербург набрал-таки еще очков сомнительной популярности в компании с другими популярными тогда рок-группами - не стану врать и называть их, поскольку не помню точно. Но точно помню - Коля Васин лез целоваться от восторга, а после рок-н-рольщики и кайфовальщики победно шли к станции, но по дороге рок-н-рольщиков и кайфовальщиков, возглавляемых Колей Васиным, атаковали тярлевские дебилы и гоняли по картофельным полям, удовлетворяясь, правда, лишь внешним унижением пришельцев.

Весной и летом 1971 года прошло несколько ночных концертов, организованных Арсентьевым.

Лично я передал ему значительную сумму из трешниц кайфовальщиков и как-то, прикидывая перспективы, неожиданно пришел к простой и страшной мысли: Ведь это же просто афера! Нас же просто подсекли, словно рыбину на блесну, на блестящий значок с веточкой! Мы раньше работали и получали от профкомов несчастные восьми-, десятирублевки и покупали, пропади они пропадом, усилители и динамики. Но теперь-то все в руках Арсентьева, а что-то не слышно о признании, о Клубной собственности, мы лишь глубже и глубже опускаемся в подполье, уже чувствуется его сырость и шорох мышшей, и далекий пока оскал крыс!

Молодость болтлива, а я был молод, резок и, придя к страшному выводу, стал болтать на всех рок-н-рольных углах. И не только я - еще несколько смельчаков допетрило до аналогичных выводов. После речей наших только что не крестились и, наговорившись в досталь, я лично успокоился, тайно надеясь на ошибку. Но волна, так сказать, пошла, и где-то в августе, кажется, Санкт-Петербург вызвали на своеобразный рок-н-рольный ковер, а точнее в пивной зал Медведь, что напротив кинотеатра Ленинград в полуподвальчике.

Мы с Мишкой притащились в полуподвальчик и, оказалось, полуподвальчик ангажирован Арсентьевым и в этом пивном Медведе нас, то есть Санкт-Петербург, должны судить.

За несколькими столами над кружками и сушеными рыбными

хвостами сидели волосатики, но не музыканты в основном, а, скажем так, музыкальная общественность. Они предали нашу идею, - сказал один нервный. Они никогда не были преданы нашей идее, - сказала одна невзрачная. Они пытались провалить наш Клуб, его идею и идею его порядка, - сказал один с выдвигающейся вперед, словно ящик аз письменного стола, челюстью.

- Чего это они? - удивился Мишка. - Эй, мужики! Пивка плесните!

Они, мало сказать, недостойны, - сказал другой нервный. Если чего они и достойны... - сказала другая невзрачная. Если и достойны, то осуждения и... - сказал другой, вперя в нас вытаращенные глаза, эти два протухших желтка.

Поднялся Арсентьев, быстрым зябким движением переломил пальцы, остановил говоривших движением руки. Он был в костюме и галстукке, хотя на улице стояла жара. На лацкане подмигивал значок с веточкой.

- Дошли слухи, - сказал он и мягко улыбнулся, - но я как-то не верю.

- Конечно! - это Коля Васин не выдержал. - Вы что же! - крикнул он нам. - Ведь неправда, что вы не достойны!

- А в чем дело? - спросил я.

- В том, - быстро ответил Арсентьев, - что разговоры, исходящие из Санкт-Петербурга и ему подобных - это кинжальный удар в спину Клуба, нашей организации. И именно в тот момент, когда решается его судьба, когда сделано много. Возможна и критика, но предательство - есть предательство. А с предателями...

- Да скажи, что не так! - Васин чуть не плакал.

Все лица пивного Медведя обратились к нам,

Я повторил все, о чем болтали на рок-н-рольных углах.

- Ясно. - У Арсентьева еще более побледнело лицо. - Ясно, ясно. - Он помолчал, еще переломил пальцы и продолжил: - Предлагаю группу Санкт-Петербург исключить из Клуба. - Все в пивном Медведе замерли. - И не просто исключить, - голос Арсентьева стал крепче, а по щекам поднялось зарево румянца, - а исключить и добиться его полного бойкота! Его полной изоляции! - голос накалялся и переходил в крик: - Мы не позволим! Никогда мы не позволим предателям разрушить здание долгожданного... - Он кричал и крик его завораживал, и я уже жалел, что связался с обладателем такого значка и такого крика.

Арсентьев замолчал, и все проголосовали за исключение.

Я был убит. Но вдруг Мишка, разрушая истерическую пивную тишину, засмеялся:

- Да ну их к хренам, юродивых. Кто они и кто мы, вспомни!

Через день мы с Мишкой укатили на Ярославщину валять дурака и валяли дурака там до осени, а осенью несколько раз ходили как кайфовальщики на трехрублевые сейшены Арсентьева, а после узнали, что Арсентьев арестован.

Каждый из нас получил по повестке на улицу Каляева. Там, в следственном отделе, мы сидели в долгом коридоре, поджидая свою очередь, и лично я не был рад, что оказался прав, я с тоской вспоминал ночные концерты, понимая, что верить теперь не смогу всякому, кто придет с предложением легальности, и понимая, что таких предложений в ближайшее время не последует.

Выяснилось - Арсентьев носил значок не по праву и в смысле значка он, собственно говоря, не являлся никем. Усталый человек из следственного отдела механически задавал вопросы: был ли там-то и там? сдавал ли трешницы и сколько? и про речной трамвайчик, и про Скальдов. Прочтите, распишитесь, свободны. Мы свободно выходили из следственного отдела и тут же устраивали на бульварчике имени Каляева недолгие толковища, а после расходились по своим рок-н-рольным берлогам, не верящие ни во что. И получалось, что в пивном Медведе вечевали в основном одни, общественность, а на Каляева таскали других, артистов, творцов, так сказать, бедных.

Коля Васин рассказывал, что, узнав об аресте Арсентьева, он в ужасе убежал в лесок, что рос невдалеке от его дома на Ржевке, убежал со знаменитым подарком Джона Леннона и зарыл пластинку в лесу до более счастливых времен...

Судили Арсентьева весело. Это походило на сейшн - в пыльный зальчик понабилося полгорода волосатиков. Если б Фемида не была слепа по природе своей, глаза б ее на это не смотрели.

Свидетели толпились в коридоре, хватало свидетелей. Подошла и моя очередь. Женщина-судья с высокой прической разрешила женщине-прокурору с коротко подстриженными, филированными волосами задать новому свидетелю вопрос.

- Вы участвовали в деятельности так называемого Рок-клуба? Женщина-прокурор старалась смотреть проницательно.

- Да, я принимал непосредственное участие в деятельности так называемого Рок-клуба.

Женщина-прокурор посмотрела на судью. Судья молчала. Более вопросов не последовало, и мне разрешили остаться в зале. В тесном вольерчике на скамейке сидел Арсентьев. Ему, похоже, было скучно и он смотрел в зал, лишь иногда шевелил губами, повторяя, видимо, про себя

покаянное слово.

Постепенно все свидетели перекочевали из коридора в зал, и никому судья не задал вопросов. Мы были, я понял, свидетелями обвинения.

Белокурая девка Арсентьева сидела в первом ряду и реагировала живо на действия участников суда.

Адвокат поймал прокурора на нарушении презумпции невиновности Арсентьева, а по поводу Клуба и денег доказательств не оказалась, не было, одним словом, состава преступления. Суду прокурор смог предъявить лишь два подделанных Арсентьевым бюллетеня, и за это Арсентьев после покаянного слова получил год исправительных работ на стройках страны, а Белокурая, проходившая также по делу о бюллетенях, получила год условно.

Билеты на сейшены не продавали, а то, что я и такие, как я, собирали трешницы и сдавали их в липовый Клуб, так то - частные пожертвования, которые не запрещены, и разошлись эти пожертвования на организацию сейшенов и на угощения.

Мы после прикидывали, сколько могло уйти на орграсходы - большая часть пожертвованных трешниц должна была остаться. Получалось, славянские гости продули почти годовой доход всех ленинградских рок-групп. Я славянских гостей, конечно, трезвыми не видел, но все-таки трудно поверить в подобную раблезиаду.

Болтунов, я уже говорил, хватало, и задним числом выяснилась странная удачливость концертных афер. Основной прием Арсентьева: он звонил в какой-либо из райкомов комсомола, представлялся работником Ленфильма и просил содействия в предоставлении зала для съемок кинокартины о современной молодежи. Даже давал на случай телефон. Где-нибудь на Петроградской стороне в частной квартире возле телефона с похожим на ленфильмовский номером сидел человек и ждал звонка. Но никто ни разу не проверил. Райком подыскивал школу, платилась аренда, привозились киношные софиты, которые имитировали съемку, и сейшн удавался на славу.

Не знаю, уж на что рассчитывал Арсентьев - такое бесконечно продолжаться не могло, ведь в деле оказались задействованы сотни, если не тысячи людей...

Дурной пример, впрочем, заразителен, и то, что Арсентьев проводил под прикрытием значка и конспирации, арсентьевисты (Петрарка - петраркисты) стали делать чуть ли не среди бела дня. Правда, в этом пока не было злого коммерческого умысла, но лишь голый энтузиазм. Ленинградский рок, увидевший новый путь, уводящий от вузовских

танцулек, пошел с властью, как говорят футболисты, в кость, не надеясь более на легальность и не желая ее.

Вот один из типичных менеджеров пост-арсентьевской поры: Вова Пенос низенький, остроносенький, шепелявенький зануда и добрый мальй. То ли поляк, то ли польского происхождения. Знаток польского языка и польских нравов. В чем лично я сумел вполне убедиться. На его доброй совести два мероприятия.

Как-то утром звонок:

- Пливет. Польская лок-глуппа Тлубадулы сегодня плиедет в Муху саппала-там. Они очень хотят познакомиться с Санкт-Петелбулгом. Холошо?

Хорошо-то хорошо. Но в Мухе уже кто-то пустил слух, и Муха не училась с утра, а полным составом во главе с ректором, деканами и их семьями, которым уступили первые престижные ряды, сидели в актовом зале, ожидая исторической встречи Трубадулов и Санкт-Петербурга.

Вова Пенос владел, как показали события, польским языком в пределах... не более чем в пределах своей фантазии, и за час до исторической встречи выяснилось, что никакой аппаратуры знаменитые тогда поляки не привезут, и мы с Летящим суставом рванули на Моховую улицу, где тогда опять делили со студентом ЛГИТМИКа Боярским репетиционный зальчик. Мишка сгоряча скovyрнул замок и с кладовки Боярского, откуда мы позаимствовали в предчувствии международного скандала усилитель и провода. Все равно аппаратуры не хватило. Трубадуры шли на вечеринку в узком кругу с российскими музыкантами, а оказались перед страждущим эстетических удовольствий залом и сгоряча исполнили полусоставом (пришли трубадуры не в комплекте) бессмысленный блюз на рояле под барабаны и бас. Декан и ректоры с семьями также ждали эстетических удовольствий, и хотя блюз прозвучал вполне сносно, но ради единственного блюза не стоило срывать учебный процесс. Пришлось и с Боярским после разбираться - пропал один из его проводов.

На совести Вовы Поноса и особо выдающаяся встреча с Марылей Радович и приехавшей с ней на гастроли группой Тест. Этот добрый мальй арендовал на ночь плавучий разухабистый кабак Корюшка. Но Санкт-Петербург, Марылю и Тест по ресторанным правилам следовало закусывать. Сто ресторанных посадочных мест по семь рублей. Деньги собрали, передали в Корюшку, и там на семьсот рублей обещали нарубить салатов и наквасить капусту.

Гости начали съезжаться к одиннадцати, и приехало нечесаных любителей изящных искусств под салат и капусту человек пятьсот, которые, отодвинув столы, повалились на пол. Полякам обустроили кабинет, Санкт-Петербург грохнул ритм-блюзовской увертюрой - и веселье завертелось. Марыля Радович, звезда все-таки европейского класса, посматривала на валявшихся рок-н-рольщикиков и кайфовальщикиков с неподдельным интересом, не предполагая, должно быть, увидеть подобное на чопорных невских берегах.

Тесту тоже захотелось покрасоваться перед любителями изящных рок-н-рольных искусств, и они после увертюры Петербурга вдарили по джаз-року. Выдающаяся встреча проходила на втором этаже Корюшки, и сцена находилась возле лестницы. В начале первого, когда Тест уже всюду шурувал в упругих дебрях джаз-рока, а любители изящного, словно древнеримский легион опившихся наемников, кровожадно кричали в наиболее упругих тактах хромого пятичетвертного размера, в начале первого по лестнице поднялось, довольно одинаково одетых, - только один зачем-то нахлобучил мотоциклетный шлем - с десятков крепеньких ребят, предложивших посредством пресловутого мегафона, чтобы Тест, Марыля, Петербург и валявшиеся на полу легионеры, чтобы быстро-быстро, десять минут на все дела, иначе...

Иначе говоря, Корюшка трудилась по закону до курантов и в Корюшке, видимо, оценили внешность и шепелявость Вовы Пеноса, а оценив, решили, что почему бы не взять те семьсот рублей, которые он с таким рвением навязывал.

Гости приехали к одиннадцати, в двенадцать Корюшка закрывалась, и ее умные работники вызвали наряд, дабы укротить разошедшихся клиентов.

- Ресторан закончил работу. Па-прашу!

У барабанщика Теста, что никак не мог съехать с хромого пятичетвертного размера, конфисковали барабанные палочки.

Поляки ничего не поняли, но поняли, что надо быстро-быстро уходить и ушли...

Куда только не заносило Санкт-Петербург с осени семьдесят первого по весну семьдесят второго! Неведомым вывихом судьбы мы оказались в клубе Сталепрокатного завода, куда нас сосватал толстозадый черноокий негодяй Маркович - еще один из пост-арсентьевской плеяды. В предновогоднее утро пришлось Санкт-Петербургу выступить ранехонько в жилищно-эксплуатационной конторе. Клуб Сталепрокатного завода осуществлял, кажется, шефство над жилконторой, и мы там музицировали

при гробовом молчании и под ненавидящими взглядами двух десятков окрестных дворников и непроставшихся сантехников.

Из клуба Сталепрокатного завода Санкт-Петербург довольно быстро выперли, а Маркович стырил у нас остродефицитный басовый динамик 2-А-11 и чуть не стырил пару еще более дефицитных динамиков 2-А-32. Пришлось ловить черноокого и угрожать убийством.

Нищенствуя и мыкаясь по случайным зальчикам и концертам, мы сдружились с такими же горемыками из рок-группы Славяне Юрой Беловым, Сашей Тараненко, Женей Останиным и Колей Корзининым. Сплотило же нас в группу музыкальных злоумышленников совместное концертное выступление на вечере в Университете, с которого пришлось убежать в пожарном порядке. Славяне были ребята славные и веселые, а с такими горемычничать в самый раз.

Наступали новые времена. Короток все же был до поры век кайфовальщика и рок-н-ролла - с первого по пятый курс. Диплом для большинства становился перевалом, преодолеть который представлялось возможным, лишь отбросив все лишнее, и среди лишнего оказывался рок. За перевалом начиналась цветущая долина зрелости, отцовства (или материнства) и подготовка к штурму иных, более сложных служебных вершин.

Наступали новые времена. Рок уже размывал вузовские дамбы, уже появились отчаянные, лепившие из рока жизнь, делавшие его формой жизни, роком-судьбой, шедшие на заведомое люмпенство, ставившие на случайную карту жизни, не зная еще какая масть козыряет в этой игре. Кое-кто, уже докайфовался до алкоголизма, появились свои дурики, шизики, крезушники с тараканами в извилинах. Многие, правда, играли в дуриков и шизиков -- ух, эта веселая игра! Кое-кто уже поигрывал с транквилизаторами, торчал на анаше. Нет-нет, да и звякал среди кайфовальщиков шприц. Нет-нет, да пропадали в аптеках всякие-разные таблетки. Но это все было так - легкие тучки на горизонте..:

С одной стороны рыжих Лемеговых караулил диплом, с другой стороны портвейн. И уже маячила перед Серегой фантастическая женитьба на молодухе-изменнице, а мое диктаторство, сглаженное нечаянной славой, дремало до поры.

В разумных пределах трудности сплывают сообщества, а в неразумных разрушают.

Как-то Лемеговы взбрыкнулись, и я послал их. Они были славные парни, мягкие, очень талантливые и гордые той гордостью, которой может обладать лишь тонкий, глубоко чувствующий, ранимый человек. Такая

мягкость вдруг оборачивается гранитным упорством. Лемеговы не покаялись, и Санкт-Петербург потерял полсостава, основу драйва, единоутробную ритмическую группу.

Но и Славяне не уцелели, проходя через тернии. Саша Тараненко, главный электронщик Славян, хотел еще и творческой свободы, тайно лелея амбиции. Он уговорил славных и гордых Лемеговых работать с ним, а я плюс Мишка, плюс Белов, Останин и Корзинин стали притираться друг к другу, пробовать репетировать, думали, как сложить новую программу, чтобы новый Петербург не уступал прежнему. Я еще надеялся на диктаторство и в итоге был провозглашен Первым консулом, что справедливо, поскольку собрались-то под вывеской Санкт-Петербурга, моего детища, но Юра Белов был пианистом почти профессиональным, а Николай Корзинин был барабанщиком, если и не явно ярче Лемегова, то уж профессиональней во сто крат, с опытом игры на трубе и хоровой практикой в пионерские времена. Белов и Корзинин сами сочиняли музыку и хорошо сочиняли, просто им не хватало сумасшедшей ярости, присущей Петербургу, и концертной удачи.

Очередные авантюристы устраивали очередные авантюры. Теперь без всяких профкомов платили до сотни за отделение, а иногда и вообще не платили, если авантюру прикрывали власти, а иногда не платили авантюристы просто по своей авантюристической прихоти.

Новым составом мы выступили на Правом берегу Невы в неведомом мне зале с балконом, с которого свалился во время концерта в партер кайфовальщик.

Кайфовальщик не пострадал, а мы убедились, что Санкт-Петербург приняли и в новом составе, и очень приняли простенькую лирическую композицию Я видел это. Она даже стала на время гимном гонимых рок-н-ролльщиков, и Коля Васин всякий раз поднимался в партере со слезами, текущими по заросшим щетиной щекам, и подпевал вместе с залом:

- Я видел э-это! Я видел э-это!

Если трезвой литературоведческой мыслью попытаться оценить исполняемые Петербургом строки, то получится ерунда, наивность и глупость инфанта (а именно так и оценивают почти всегда тексты рок-групп).

- Я, - там пелось, - видел, как. восходит солнце... Я видел, как заходит солнце... - и еще: - Как засыпает все вокруг... - и еще пару слов насчет молчания, а последняя строчка: - Как заколдован этот круг, - и припев: - Я видел э-это!

И вот я думаю сейчас и не могу додуматься. Наверное, здесь оказалась

закодированной трагедия юности, почувствовавшей, как время вколачивает, ее в структуру жизни, в ее жесткую пирамиду. Наверное, семиотический смысл этих слов обнимал главное, иначе ведь успех не приходит...

На моей совести много хорошего, а много и нехорошего. И одно из нехорошего - это выступление в школе номер 531 на проспекте Металлистов. Школа как школа, но ведь я там учился и был юношей, уважаемым, спортивной знаменитостью и председателем Ученического научного общества. На счету нашего общества не значилось ровным счетом ничего, но добрым учителям я должен был запомниться юношей опрятным и доброжелательным.

Бывший мой соученик, издали причастный к року, парень сметливый и жадный, и знавший о разгуле подпольной музкоммерции, подъехал к директору школы, полноватой, пожилой женщине, наврал ей, что смог, воспользовавшись ее добрыми чувствами, и договорился в выходной день использовать актовое зал. Мы провели в школе номер 531 рок-н-рольный утренник, получилось нечто вроде Утренней почты. В ранний час кайфовальщики вели себя смирно и мы смирно поиграли им ватт на двести. Несколько композиций Юра Белов исполнил без моего участия, а в некоторых композициях Санкт-Петербурга не участвовал Мишка. Он, печально околачивался по сцене с бубном, понимая, кажется, что жестокий закон эволюции перевел его или почти перевел в должность бубниста.

С кайфовальщиков мой соученик собрал по два рубля и потирал, думаю, от жадности руки. А может, и ноги.

Все было нормально. Но вот посреди среднесумасшедшего по накалу ритм-блюза я заметил, что дверь в актовом зале отворилась и в дверях остановилась пожилая, полноватая, седая женщина. Это была директор. Она жила неподалеку от школы и решила заглянуть и побеседовать с бывшими учениками.

Повторяю, в зале было все нормально. Но нормально для меня, и я был нормален для себя, но не для нашего бедного директора. Она постояла с минуту в дверях, дождалась окончания среднесумасшедшего ритм-блюза, сделала шаг назад и аккуратно прикрыла дверь...

Где-то в начале 1972 года у меня вдруг зажило колено. Я еще не сомневался в олимпийских победах, ревностно следя за прессой и за тем, как прогрессируют бывшие сверстники и конкуренты. Я лечил колено всеми известными способами, но оно не проходило почти два года, иногда в самые неожиданные минуты выскакивали мениски, которые я научился забивать обратно кулаком. Иначе нога не сгибалась. Случалось, мениски выскакивали и на сцене, приходилось забивать их на место между

припевами и куплетами. Скакать по сцене я все-таки мог, а вот тренироваться - нет.

Я плюнул и перестал лечиться, и колено вдруг зажило.

Явился на стадион, на меня посмотрели горестно, а тренер, великий человек, сказал:

- Давай попробуем.

Меня называли хиппи, а я им не был и вовсе не отказывался от спортивного поприща.

Санкт-Петербург же не выходил из штопора славы, но мешал дух недоговоренности. Мишка маялся с бубном, а Юра Белов тащил все новые и новые песенки. К тому же распалась довольно занятная группа Шестое чувство, и вокруг Петербурга слонялись безработные бас-гитарист Витя Ковалев и барабанщик Никита Лызлов, не претендовавший в тот момент именно на барабаны, поскольку Николаю Корзинину он был не ровня, а претендовавший просто на искрометное дело, которому он мог предложить свою предприимчивость, ум, веселый нрав и некоторую толику аппаратуры Шестого чувства, совладельцем каковой и являлся с Витей Ковалевым.

В апреле семьдесят второго я уехал в Сухуми на спортивный сбор, а, вернувшись в Ленинград, заболел инфекционным гепатитом, желтухой, и чуть не сдох в Боткинских бараках от ее сложной асцитной формы. То есть началась водянка. Кто-то из врачей все же догадался назначить мне специальные таблетки, после которых я выписал за сутки ведро и побелел обратно.

В первые дни, мучаясь от болей, я читал бодрые записочки, присылаемые друзьями-товарищами по року. Валера Черкасов (о нем - впереди), помню, прислал открытку с текстом приблизительно такого содержания: Говорят, ты совсем желтый. И говорят, ты вот-вот сдохнешь. Нет, ты, пожалуйста, не сдыхай. Ты ведь, желтый-желтый, обещал поменять мой "Джефферсон аэрлайн" на твой "Сатаник". Так что давай сперва поменяемся, а после подохнешь. С японским приветом, Жора!

Опять наступило лето и началось оно яро - дикой жарой, безветрием, лесными пожарами. В СССР приехал Никсон, а клубника поспела аж к началу июня. Назревала разрядка.

Женя Останин приносил в больницу книги по технике рисования, в котором я упражнялся, лежа под капельницей, а когда я, прописавшийся и побелевший обратно, смог выходить на улицу, то и выходил, и мы с Женей гуляли по территории больницы, подглядывали в полуподвальчик прозекторской, где прозекторы потрошили недавних гепатитчиков. За деревянным забором, отделенные от аристократов-гепатитчиков, весело

жили в деревянных домиках дизентерийщики. Аристократы относились к ним с презрением и называли нехорошим словом. Женя Останин учился на художника, и говорили мы с ним о сюрреализме.

Ботва на моей яйцевидной башке достигла рекордной длины, главврач стал требовать невозможного, а Коля Корзинин с Витей Ковалевым пришли заключать соглашение. Билирубин и трансаминаза еще шалили над нормой, а Никсон уже подписал исторические документы. Мы-то не подписывали ничего, но устно решили: отныне Санкт, его величество, Петербург есть: Коля Корзинин барабаны, Витя Ковалев - бас, Никита Лызлов - просто хороший человек и чуток рояля, и плюс мои билирубин и трансаминаза. Остальное же побоку. Дело есть дело. Дело-то есть дело, но молодость все же еще и жестока.

Родители, испуганные сыновней водянкой, взяли меня опять белого и похудевшего из больницы на поруки и стали кормить диетическими кашами, от которых я сбежал в компании с Колей Зарубиным, будущим барабанщиком группы Валеры Черкасова За. Но это он позже стал за что-то, а тогда мы просто прихватили бонги, дудочку, Мало денег и уехали в Ригу, где из себя изображали неизвестно кого с бонгами и дудочкой, а из Риги решили махнуть в Таллин автостопом, модным по слухам хитч-хайком - сжал кулак, большой палец вверх и тебя якобы везут добрые водилы, которым скучно в дороге.

Послушав случайную девчонку, последней электричкой доезжаем зачем-то до Саулкрасты, курортного поселка, конечной станции и попадаем под дождик. Ругая девчонку, бредем в мокрой ночи, бредем по мокрому саду и в саду том натыкаемся на дощатую эстраду с крышей и ложимся спать мокрые на доски под крышу, где вдруг сладко засыпаем, а когда просыпаемся, то видим вокруг утро накануне первого солнца, в котором поют птицы, в котором сухо опять, в котором хочется дышать и жить. А в сотне метров оказывается море. И на диком пляже в лучах свершившегося солнца Коля Зарубин легонько пробегает пальцами по бонгам, кожа на бонгах откликается приятным невесомым звуком, а я, как дурак, свищу на дудочке то, что не умею, и так хорошо, как никогда. И думаем мы, что так все и надо...

Летом тогда рок-н-рольщики обычно отдыхали, словно хоккеисты перед сезоном, но лето кончилось. Похудевший от инфекции до комплекции стандартного кайфовальщика, я довольно быстро наел спортивные килограммы и более на дудочке не сверещал.

Еще недавно впереди ожидала вся жизнь. Теперь за спиной уже дымились первые руины.

К семьдесят второму году ленинградские рок-н-рольщики и кайфовальщики освоили хард-роковые вершины Лед Цеппелин и Дип Пепл. Тогда эти снеговые-штормовые покорялись упрямыми и немногими, ждавшими от рока уж вовсе неистового кайфа - это теперь там проложены комфортабельные шоссейки, по которым на туравтобусах катают Земляне чубатых пэтэушников.

Партизанский имидж Санкт-Петербурга времен Лемеговых с его полуимпровизационным и сатанинским началом и ритм-блюзовым плюс хард-роковым драйвом и со светлыми проблесками слюнявой лирики уступил место жесткой конструкции продуманных аранжировок и коллективному договору сценической дисциплины. Если Лемеговы были мягки, даже застенчивы, что и подталкивало их порой к стакану, то Коля Корзинин оказался равно талантлив, как и непредсказуем. Что меня поразило - однажды, еще в Славянах, на одном из сейшенов Арсентьева он в паузе между композициями заявил в микрофон из-за барабанов:

- Сейчас я спою для друзей и жены. Остальные могут валить из зала.

Его, в общем-то, освистали, но он только озлился, и только небрежнее, алогичнее, с запаздыванием, заканчивал брейками такты. Так он и выработал манеру - неповторимую, узнаваемую и очень экономную. Внутренне, мне теперь кажется, Коля всегда не доверял залу, был даже враждебен ему, и если все-таки достиг популярности, то лишь потому, что толпе кайфовальщиков ничего не оставалось, как полюбить человека, плевавшего на них: плевать на зал - это высший кайф. Элис Купер тоже плевал, но уже в прямом смысле, блевал и даже бросал в зал живого удава...

Осенью семьдесят второго года Санкт-Петербург много выступал, поставив целью улучшить звучание до полупрофессионального. Когда-то мы с Летяющим суставом купили у промышленных несунув восемь качественных динамиков 4-A-32 по тридцать пять рублей за штуку и тем создали некое промышленное накопление. Но лучше б и не начинать. Тут только начни. Можно всю жизнь улучшать и улучшать, и все одно не улучшишь до абсолютной лучшести, так и не поняв в ошибочном начале, что музыка, если есть, она в тебе. И хороша она или нет - зависит от того, хорош или плох ты. И что ты сам абсолют, и шкала отсчета в тебе, а посредники диффузоров, ламп и прочих ухищрений - это Сцилла и Харибда, и между ними доулучшала звучание до бездарности не одна сотня талантов.

Сейчас, в середине 80-х, гитара электрическая, соответствующая уровню и на которой не стыдно я не в лом концерттировать отечественному евроклассу рок-артисту (а такие есть), стоит у перекупщиков где-то под три

тысячи рубликов. К такой гитаре положено иметь флэйнджер, бустер, квакер и еще сколько-то примочек, придающих звуку характер. Итого: плюс еще несколько сотен. Если рок-артисту вздумается петь и в пении он также желает соответствовать евроклассу, то он должен истратить сотен пять или семь на евромикрофон типа Маршалл. Но еврогитара и евромикрофон через что-то усиливаются и это что-то Динаккорд или Пи вэй и это что-то стоит еще тысячи и тысячи. Да клавиши, да компьютер-драм, да то да се. Отечественная группа еврокласса стоит, как небольшой эсминец. Звук у нее, как у небольшого истребителя. Собирает она на свои идиотические маевки по несколько тысяч юных лоботрясов (умножим хотя бы на три и получим кассу концерта), но ставка рок-артиста еврокласса за концерт рублей пятнадцать, а бывает и меньше. При выступлении на стадионе она удваивается, но все одно надо концерттировать две жизни, чтобы накопить эти тысячи. Есть, однако, нынче выход. Если ты действительно рок-артист еврокласса или в тебе такого увидели, то тебя пригласят, тебя обласкают, тебя арендуют. Есть теперь рок-папы. Папа - это тот, кто выкатывает рок-группе аппарат, и часто рок-папы на афише фигурируют художественными руководителями. За те пятьдесят или сто тысяч это не так уж и много. В Ленинграде рок-пап практически нет, поскольку Ленинград - город не очень богатых людей, и здесь такую сумму не так просто украсть. Есть, правда, один, дает интервью как руководитель популярного в пригородах рок-ансамбля. Сей художественник сколотил капиталец, спекулируя инструментами и аппаратурой, иногда и просто обманывая доверчивых артистов. Бас-гитарист Червоных гитар рассказывал мне, что знает нашего художественника, что наш художественник кинул барабанщика из рок-группы Чеслава Немена на полторы тысячи рублей и что он, поляк, хочет продать художественнику за это самопальный Стратакастер-бас с нестроящим грифом.

Дипломатическо-дирижерские семьи также поставляют на рок-нолльный небосвод рок-пап, но это уже московские дела.

Те есть столь пространной жалобой я хочу сказать, что в начале семидесятых еще не было ни пап, ни дядьев, была какое-то время у Петербурга рок-мама - взрослая, небогатая женщина. Одним словом, соединив имевшееся у Петербурга до инфекционного гепатита с тем, что прибыло после, мы получили полный комплект некачественной, хотя и громкой по тем временам, аппаратуры. В лице Вити Ковалева Петербург получил серьезное подкрепление. Это теперь проф-рок-артистов обихаживают инженеры звука, инженеры света, разные мастерские и спекулянты. Тогда приходилось все делать самим, и представьте себе, что

мог напаять гуманитарный состав Петербурга времен Лемеговых. Витя Ковалев, мастеровой, рабочий телеателье, привел в относительный порядок некачественный наш аппарат и, кроме того, значительно укрепил классовый состав Петербурга. Никита Лызлов заканчивал химический факультет Университета и тоже был поближе к технике.

За гуманитарную часть деятельности отвечали мы с Колей и к осени семьдесят второго, внутренне соревнуясь, сочинили несколько новых боевиков, которые и отрепетировали и представили рок-н-роллерщикам и кайфовальщикам.

Однажды полужнакомец подбросил листки со стихами, попросив прославить, и листки эти вдруг попались на глаза. Часть стихов, как выяснилось позднее, оказалась украденной у Аполлинера, а на один неожиданно сочинилось. Текст, правда, пришлось править и переписывать, остались от него рожки да ножки, но на одной строке я тем не менее прокололся. Назвал композицию Ленъ и начинал ее четырехтактовым заковыристым рифом, повторявшимся два раза с напором, а после возникал минор, точнее до-минор, и начинались минорные слова:

- Издалека приходит день, приходит день, сменяя утро...

Объявив время и место действия, во второй уже нахрапистой части композиции я утверждал, что:

- И так всю жизнь, так каждый день все изменить мешают ленъ!

Третья часть композиции в мягко рокошующем квадрате до-мажора объявляла:

- Я этим городом дышу, - и далее строчка, всегда вызывавшая овации кайфовальщиков и довольные усмешки рок-н-роллерщиков и мое недоумение по поводу ее странного успеха: - ...курю с травой папирасы.

Строчка эта - одна из немногих, уцелевших из первоисточника полужнакомца. Я же тогда не курил вовсе, редко когда мог позволить себе пригубить с Лемеговыми, сохраняя надежду на олимпийскую славу. Я знал, конечно, что анаша называется травой, и знал, что кое-кто из рок-н-роллерщиков ее курит, а кайфовальщики, кажется, курят вовсю. Но это было абстрактное знание - Лемеговы в смысле кайфа оставались славянофилами и трава в тексте полужнакомца связывалась у меня просто с плохими папирасами табаком наполовину с травой.

Но получалось - я символ эскапизма, этакий прокламатор психоделии, пыха, улета. По поводу кайфов тогда позиции у меня не имелось вовсе, но иногда, особенно после того, как Лемеговы срывали концерт или репетицию своей приязню к португальским винам, иногда я устраивая Лемеговым скандал и выгоняя их вместе с собутыльниками. Но - трава?

Сообразив, я заменил с травой на с тобой. Это вызвало интересную реакцию: начинался рокошующий до-мажор, пелся текст, но все равно зал взрывался криками, как бы понимая да, зажимают рот артистам, не дают свободы в искусстве. Меня никто не зажимал, но за ошибки или глупость в искусстве приходится платить.

Николай предложил для концертирования несколько отличных сочинений: Позволь, Хвала воде, Санкт-Петербург No 2. Негуманитарный Никита разродился текстом, а Николай' приложил музыку и получился еще один номер - Спешите к восходу.

- После долгой ночи, после долгих лет - будет утра сладость, будет солнца свет!

Так пелось в припеве, и всем нравилось. С восходами и заходами у Санкт-Петербурга все было в порядке. Что восход должен принести - оставалось неясным. Теперь я знаю, что восход может принести и похмелье, а заход, наоборот, - короткое счастье. Но ведь в двадцать с небольшим думалось напрямую: солнце, свет, белое - добро; ночь, темень, черное - зло. Жаль, что возраст превращает наивную веру в ее негатив.

Санкт-Петербург очень любили, все, что ни сочиняли и ни пели мы, нравилось до колик восторга, а эти колики восторга необходимы забравшемуся на сцену, раскрепощая его и выявляя совершенно неожиданные дарования.

Но это все гуманитарные абзацы. Итак - аппаратура.

Грубая статистика гласила: где-то каждое третье выступление срывалось, не каналом, из-за аппарата. Иногда срывалось смешно. Никита Лызлов устроил Петербургу еще при Лемеговых коммерческое мероприятие в Павловске. Часть билетов скупили павловские аборигены, часть разошлась среди городских кайфовальщиков. Отстраиваем аппаратуру - блеск! Своя плюс клубная - блеск, да и только! В зале уже воркует публика, пора выходить, но вот выясняется, что напряжение в Павловске к вечеру село, звук из динамиков прет с искажением и музыкальная коммерция может кончиться избиением артистов. Нужен выпрямитель, он каким-то образом что-то там выпрямит, но выпрямителя у Санкт-Петербурга нет. Гонец летит за выпрямителем, а я поручаю бойкому знакомцу, просочившемуся за кулисы на правах сомнительного друга, выйти на сцену и поговорить. О чем угодно. Вроде лекции о рок-музыке. Минут на двадцать. Бойкий знакомец выходит под аванс оваций и начинает гнать лапшу о Петербурге, о том, какая это выдающаяся, великая... стараясь занять время, по ступеням восходящих эпитетов добирается и до... гениальная группа сейчас выступит в Павловском деревянном клубе. Зал

уже плачет, представляя себе Павловск музыкальным эпицентром мира, а нам пора уж выходить на сцену, поскольку гонец с выпрямителем не прискакал покуда, а задерживать начало значит больно слететь по лестнице эпитетов...

Жизнь все-таки дороже славы. Занавес с хрустом распаивается, мы искаженно чешем начало апробированного боевика Ты как вино, зал, не разобравшись, вопит, но скоро смолкает и также молчит после, грустно понимая, кажется, что не готов еще воспринимать гениального...

На стадионе отнесли к моему гепатиту как к уловке волосатика и сказали:

- Волк всегда смотрит в лес.

В Университете же, пропустившего по болезни сессию и представившего справку, отпустили с богом в академический отпуск.

Судьба искушала волей, а воля - это слишком высокий и отчаянный кайф. Привыкший к дефициту времени, я не решил искушать молодую свою жизнь, хотя и мог обоснованно посвятить целых двенадцать месяцев диетическому питанию, прописанному докторами. Николай хвастался все время - работаю, мол, ночами в метро тоннельным рабочим, сплю, иногда лишь чего-нибудь, если очень попросят. Звоню Николаю, спрашиваю:

- Как думаешь, Коля, метрополитен не откажется от трудовых усилий еще одной звезды рок-музыки?

Николай отвечает невразумительно, но, кажется, меня там ждут с нетерпением. Следует проехать до Балтийской, что-то обойти, открыть какие-то двери, свернуть налево, а после направо. Еду до Балтийской и убеждаюсь - все не так. И обойти не то, и двери не те, и сперва направо, а уж после налево. Но главное совпадает - вакансия тоннельного рабочего второго разряда не занята и я занимаю ее, пройдя флюорографию и терапевтический осмотр. Сообщив счастливое известие Николаю, слышу опять же невразумительное о том, что он, мол, увольняется, и это меня отчасти печалит, но печаль поверхностна, поскольку еженощный труд дает еще один шанс прикупить микрофонно-усилительной дребедени. И это меня манит как временное призвание в этом мире борьбы за призвание постоянное.

Вот и первая ночь трудовая на участке Маяковская - Гостиный Двор Василеостровская. Нормальная осенняя гниlostная ночь. Несколько сумеречных теток, угреватый дядька и парочка таких же, как я, парубков - перед нами держит на планерке речь симпатичный мужчина в форменном кителе. Помалкиваю, слушаю. Жду, когда объявят отбой. То есть отправят спать в какие-нибудь специальные спальные комнаты.

Но объявляют наоборот. Поднимаемся по эскалатору вверх, мне вручают отбойный молоток и этим молотком я всю слякотную ночь долблю асфальт перед Гостиным, в душе оправдывая человека в форменном кителе - что ж, мы понимаем, все должно быть честно, бывают ведь авралы. Они бывают, убеждаюсь и на следующий день, бродя в катакомбах под эскалатором с холодным шлангом в руках, из которого вылетает тяжелая брызгливая струя воды, и водой этой я вымываю из катакомб дневную грязь. Да, аврал на аврале, - думается мне все шесть месяцев ночей, в которых не сплю, в которых я мотаюсь по тоннелям с молотком и колочу неведомые дырки в тубингах для неведомой банкетки, катаю бочки, тружусь, одним словом, во славу настоящего призвания, сочиняя вслух среди подземного эха: Грязь - осенняя пора-а, что ни делаешь все зря-а. И мешает мне увлечься бесконечность - бесконечна-а! - а эхо только бу-бу-бу в ответ.

Во славу настоящего призвания Санкт-Петербург отчаянно гастролирует по бесконечным подмосткам, шаг за шагом приближаясь к звучанию полупрофессиональному и отдаляясь от непрофессионального в том смысле, что микрофонно-усилительной дребедени накупаем мы все больше, а с мастеровой ловкостью Вити Ковалева организуем ее хаос в стоящий рок-н-рольный реквизит. Но это - бесконечное восхождение по склону без вершины.

Однажды в полдень той же слякотной осенью на проспект Металлистов почти врывается соученик по истфаку.

- Запри дверь, - говорит, и я замечаю, как он возбужден.

- Да что запираешь? Заперто.

- Нет, проверь, заперты ли двери! - Он достает из сумки сверток, разворачивает. Вздрагиваю и иду проверять, хорошо ли заперты двери.

Возвращаюсь и спрашиваю с дрожью в голосе:

- Что это? - Глупый вопрос, поскольку понятно, что это.

- Глупый вопрос. И так понятно, что это. Ты понимаешь, на что я пошел?

- Нет, - отвечаю я. - На что ты пошел? Только не ври.

Он не врет, а так вот разом в лоб. И еще он говорит, что всегда стремился как-то быть в искусстве, но покамест он может только так быть в искусстве, то есть он дарит это мне, нашему Петербургу, потому что наш Петербург - это и его Петербург, а Санкт-Петербург - это в кайф".

- Я не понял. Я могу это просто так взять?

- Да. Я пошел на воровство.

- Нет... Да... То есть нет!.. То есть, конечно, да.

Мой сокурсник срезал на телевидении, где подрабатывал грузчиком, микрофон. Такие я видел только в программе Время. Микрофон сработали западно-немецкие умельцы Австрии и ФРГ, и ему цены нет. Цена-то есть - по Уголовному кодексу. Но ведь есть же и призвание. С такими друзьями, думается мне, Санкт-Петербург доберется и до профессионального звучания. Доберется, даже если у этого склона и нет вершины.

И вот мы карабкаемся по ней в связке и без страховки, и в связке нашей появляется свежеиспеченный выпускник средней школы Никитка Зайцев. Не помню, кто привел безусого, соломенно-кудрявого, пухлогубого Никитку, но он так лихо въехал со своей скрипкой-альтом в наши с Николаем композиции, что даже я, теперь уже строгий консерватор стиля и имиджа, не смог отказать. И теперь нас пятеро в связке над пропастью и кайф наш еще круче - так говорят болельщики.

А авантюристы все устраивали авантюры во славу призвания Санкт-Петербурга и своих бездонных карманов.

Очень взрослый и малословный тенорок по фамилии Карпович вписывает Санкт-Петербург отконцертировать несколько слякотных вечеров в Ораниенбауме, в спортивном манеже, который на несколько вечеров станет танцевально-концертной территорией. Нас даже законно оформляют на незаконные ставки, и в манеже мы законно-незаконно отыгрываем сколько положено и как просят. А просят не очень-то того. Но без Лемеговых имидж Санкт-Петербурга и так уж не очень-то того. Это как в трикотаже, когда 50 процентов шерсти, но и 50 процентов синтетики.

На мне новая рубаха консервативного покроя и брюки в серую полоску. Я как бы устал от успеха, но иногда еще могу раз-другой дрыгануть ножкой, а Никитка - наоборот, молодой бычок, козлик, волчонок. Не знаю. Но удачно смотрится. Николай за барабанами строг, зол и алогичен. Мастеровой Витя Ковалев словно в полудреме маячит возле Николая за моей спиной, Никита же за роялем, более склонный к демократизму и открытому веселью. Все продумано и все в кайф.

В Ораниенбауме кайфовальщики довольны, а рок-н-ролльщики смакуют каждое соло Никитки, звукоизвлечение у него действительно изумительное, и смакуют мои броски из баса в свистящий фальцет. И правильно делают, потому что все продумано. И все в кайф.

Даже бессвязное сочинение Бангладеш долгим ухарским драйвом покоряет манеж Ораниенбаума: Кто имеет медный щит, тот имеет медный лоб, кто имеет медный лоб, тот играет в "Спортлото"! - и тут вонзается скрипичный риф, а после него: - Бангладеш! Мы за Бангладеш!

Покорив манеж положенное количество раз, приезжаем в кассу за

заработной платой и убеждаемся зрительно, что законно оформлено на незаконные ставки кроме нас еще человек десять.

Козырной туз у манежных деятелей Карповича опять же на руках. Заявление или чье-то постановление, короче, бумага, гласящая, что вокально-инструментальный ансамбль Санкт-Петербург, не имеющий никаких каких-то там прав, устроил в манеже Ораниенбаума трехдневный шабаш, выразившийся в безнравственном хождении на головах, на ушах и еще, кажется, на зубах по сцене с призывами сорвать общегосударственное дело Спортлото...

Проторенная кривая возвращает нас в Университет, где на химическом факультете невероятными организационными ухищрениями Никита Лызлов получает ангажемент. Слово иностранное звучит затейливее. Затея, однако, без выкрутасов под банальным лозунгом вечера отдыха тамошних химиков. Кайфовальщики это уже проходили и знают наизусть. Они с радостной кровожадностью наполеоновской гвардии прорывают хилые кордоны химических дружинников, оккупируют огромный узкий и пыльный зал клуба на Васильевском.

Вечер - да. Но отдых под вопросом. Предложившие все это под затейливым словом ангажемент долго не решаются объявить начало отдыха, но все же решаются, испуганные перспективой вместо отдыха стать свидетелями демонтажа их любимого клуба, и отдыхаем мы, Санкт-Петербург, обиженный Карповичем, и наполеоновская гвардия, обиженная хилостью сопротивления, по полной, так сказать, схеме, а схема эта такова, что вспоминают ее иногда и по сей день.

Долой респект и да здравствует весь спектр отработанного дрыгоножества, драйва, дурацкого Бангладеша, догепатитного сатанинства, додуманного импровизацией духарного дизайна душ! (Как говорить о музыке без аллитерации, когда лишь глухой согласной на все можно передать хоть что-то?)

Это пришло вдруг, этакая находка! Пустой бутылкой стал играть на Иолане, как на гавайской гитаре. После бутылку бац! - вдребезги. Страсти зала - также вдребезги на режущие осколки якобы объединения в одну пятисотенную глотку, поющую прощание с юностью.

Нас Карпович бьет авантюрой и доносами - бац! - Никитка взлетает на смычке, как черт (ведьма?) на метле.

Нас карикатуруют в столбцах газетные неосведомленьши - бац! - Николай ломает педаль и рвет, богу твоя мама, пластик тактового.

Нам пеняют за то, что мы есть, но мы-то есть, потому что есть вы - бац! - микрофонной стойкой с размаху по крышке рояля.

Нас боготворят кайфовальщики, потому что им это в кайф, а этого - бац! - я не могу понять теперь и, как ни пытаюсь, не оживить в себе простоты понимания ТОЙ слякотной осени накануне разрядки.

После химфака Валера Черкасов (о котором - впереди) увязался в попутчики. По пути долго и тупо доказывал:

- Понимаешь, это уже почти уровень, почти Европа!

- Да, я понимаю - мы живем в Европе. Но почему лишь почти?

- Понимаешь, еще чуть-чуть - и вы прорветесь. Вот именно! Вы прорветесь, а вместе с вами и все мы.

- Да, я понимаю - мы прорвемся.

Но не понимаю, почему мы прорвемся, если я стану музицировать порожней зеленой посудой и колотить железом о рояль не в припадке обиды, а заведомо стану музицировать бутылкой, и впервые, кажется, я подумал, что мы действительно куда-то прорываемся, а прорываться куда-то - это гораздо страшнее, чем просто так. Но ничего, подумал я, не бывает просто так, подумал впервые и, похоже, впервые затосковал о тех, таких уже давних днях, когда восторженным юношей утомлял себя в спортзале, наивно представляя простоту и непреложность олимпийской стези...

Мы долго отходили после вечера отдыха, а потом прикинули кой-что кое к чему и купили чехословацкий голосовой усилитель Мьюзикл-130 за шестьсот или семьсот рублей, собрали голосовую акустику из восьми качественных динамиков 4-А-32, добрали инструментального усиления до уровня голосов, обнаружив неожиданно, что полупрофессиональная аппаратура у нас уже есть.

Стена не имела вершины, но вот она - долгожданная плоскость, где можно переночевать, разбив палатку и запалив костерок, погужеваться до поры, передохнуть и поглядеть друг на друга, поглядеть в глаза и подумать, что дальше.

Никитка рвался в абитуриенты. Никита стал заниматься с ним, готовить к экзаменам по точным наукам. У Николая росла дочь, и предстояло ему тоже как-то устраиваться, а не врать всем, будто работаешь ночами неизвестно где. У Вити Ковалева тоже росла дочь, а жена справедливо ждала спокойствия.

И меня припекала жизнь: начиналась педпрактика, заканчивался академический отпуск, время диеты, прописанной врачами. Я снова появился на стадионе - мне только ухмылялись в лицо. Один слабак в прыжках, почему-то завистник, вечно врал, будто опять видел меня пьяным, хотя я читил диету, помня о пережитой водянке и болях, и врал про Санкт-Петербург, будто опять мы после выступления подрались (!) со

зрителями. Я продолжал работать в метро, и сутки мои складывались занятно: с ноля-ноля минут до утренних курантов подземка, с одиннадцати часов педпрактика в школе, днем стадион, затем репетиция, какая-никакая была ведь и личная жизнь, случались концерты, а к полночным курантам опять ждала подземка. Где-то в промежутках спал. Чего только не выдержишь, когда тебе чуть за двадцать. До поры и выдерживал, пока не стал засыпать на работе стоя. Весной семьдесят третьего я из метро уволился.

На курсе педпрактику мою признали лучшей. Простым, как маргарин, способом добился почтительности у класса, прокрутив им во время внеклассной работы подборку музыки Битлз и проведя письменный опрос о понравившемся...

Опять была весна, весна семьдесят третьего. На проспекте Науки в кургузом клубике подростков мы репетировали, упиваясь полупрофессиональным звучанием, композицию 22 июня, в подкладке мелодии которой пытались рефреном уложить кусок из известной симфонии Шостаковича. Жена Николая принесла текст, и приятно сложился двенадцатитактовый традиционный блюз Если вас спросят. Но трудно о музыке говорить, трудно рассказать, как репетировали, ведь заранее никто партий не расписывал, они рождались в процессе, так сказать. Это, думаю, было самое радостное - присутствовать при рождении номера, мелодию и текст которого сочинил сам. И даже репетиции случались искренней концертной. На концертах-то было все ясно заранее. Там делался заведомый кайф и заведомо было ясно, что придется выкладываться и выходить со сцены в мыле, но достигнутый успех уже не так интересен в повторах, как путь к нему...

Утро случилось сумрачное, и я долго просыпался, проснулся, поставил Таркус - сенсационный альбом Эмерсона, Лэйка и Палмера, фантастического трио пианиста Эмерсона, записавшего позднее в рок-манере Картинки с выставки Мусоргского; очень корректную и сильную пластинку...

Долго трясся в холодном трамвае, опаздывал на репетицию. Возле торгового центра, в его пристройке располагался подростковый клубик, стояли Никита, Николай и Витя, увидел их издали и почувствовал неладное - о чем-то они, похоже, спорили, а Николай отворачивался, делал шаг в сторону, возвращался.

Никита увидел меня и побежал навстречу.

- Ага, вот и мы! Привет. - Он возбужден, без шапки, а куртка расстегнута. Все у тебя в порядке? Все? - спрашивает он, а я вздрагиваю.

Что-то не так? Где? Что? Что там еще? Нервы я уже поиздергал бесконечным восхождением по отвесной стене за последнее трехлетие.

- Что там еще? - спрашиваю Никиту, и мы подходим к Николаю а Виктору,

- Сказал ему? - спрашивает Витя у Никиты.

- Сам скажи! - нервно вскрикивает Никита.

- Он умрет, - говорит Витя.

- На фиг, на фиг, на фиг все! - говорит Николай.

- Что за черт! Говорите же!

Никита и Витя переглядываются, Николай вздыхает и проговаривает:

- Ничего, не умрешь. Сгорело все. Ночью пожар был. Все и сгорело. Тушили пожарники. Сгорело сто клюшек, двести шайб и шлемы еще.

- Какие клюшки? Что сгорело? Говорите, сволочи!

- Все сгорело. Вся аппаратура.

Мы стояли возле урны. Из урны торчал бумажный мусор, на урне белели засохшие плевки, я сел на урну и улыбнулся.

- Все врете. Убью.

- Не врем, - сказал Витя. - Нечего опаздывать. Сходи и посмотри.

Я сходил. Да, клюшки сгорели. Жалко. Такие новенькие были клюшки, шайбы и шлемы для клубных подростков. Как теперь клуб охватит подростков спортивным воспитанием? Ничего, жизнь воспитает. Воспитывает же она меня и моих мужиков.

Я стою в дверях и смотрю. Врут, сволочи, не все сгорело. Обуглившиеся остовы колонок, словно печные трубы военных пепелищ, стоят-таки, и еще железа целая груда. Врут, сволочи!

Сволочи шаркают по лестнице и останавливаются возле молча. Я плачу и не смотрю на них. Я смеюсь и не смотрю на них и выговариваюсь матом. Витя ковыряется в почерневшем металле, пачкается сажей, молчит, вздыхает.

- Чемодан-то, мужики, дернули. С микрофонами Мьюзикл дернули и подожгли остальное.

- Да! Чемодана нет? - Никита роется в останках реквизита и подтверждает: - Чемодана нет с усилителем.

- На фиг все, - говорит Николай и шаркает по лестнице вниз.

А затем мы едем в милицию и там предлагаем свою версию серьезному капитану. Он слушает, морщится, набирает несколько цифр на телефоне и говорит в трубку непонятные слова, а после смотрит на нас с укоризной, смягчается и соглашается:

- Лады, пишите заявление. Все. Пишите.

Мы пишем, а капитан опять звонит, спрашивает, слушает и нам говорит:

- Пожарники утверждают, что загорелось от искры. Там рядом дорожники асфальт жгли и ветерок мог искру занести через фрамугу.

Он и сам не верит, но он серьезный человек, у него ЧП.

- Тут, понимаешь, убийство, а вы... - говорит он, мрачняя, смягчается и повторяет: - Лады, пишите. Поищем.

Он искал и не нашел.

В клуб нас взял один из бывших баскетболистов. Бывал на концертах и предложил место для репетиций. Свой вроде парень, нервный только, но вроде свой. Говорят, он поигрывал в картишки. И, говорят, проигрался. Теперь-то я уверен, что он и дернул чемодан с микрофонами, чтобы рассчитаться за проигрыш, а остальное поджег, заметая следы. И замел. На тысячу с хвостиком дернул, а на две сжег. Свой парень. Его вызывал капитан. Кажется, вызывал. Кажется, поговорили. Но и только. У капитана было убийство. Нас этот хренов картежник тоже подстрелил, но...

Для Вити Ковалева (понятно, классный парень, мастеровой из телеателье, улучшил классовый состав и сотня прочих достоинств, и на базе, когда его не третировал Николай, выделял выдающиеся коленца) настал звездный час. Он достал диффузоры для тридцать вторых динамиков и для басовых и заменил сгоревшие, заказал деревянные части для барабанов - их в аварийном порядке исполнили неизвестные мне умельцы - перелатал усилители, оживив их. У нас опять был полный комплект некачественной аппаратуры приличной громкости, и при желании можно было начать восхождение к необжитым вершинам полупрофессионального звучания...

С ворами мне доводилось встречаться в жизни достаточно часто. На Стадионе не раз воровали тренировочные костюмы, однажды прохожие алкоголики стащили целую сумку престижного легкоатлетического добра: два фирменных костюма, кроссовки из лосиной кожи, шиповки адидас, майку сборной Франции. После школы, когда делались первые музшажочки и появилось первое желание приобрести что-нибудь электрическое, один из дворовых умельцев взялся продать мою вполне приличную коллекцию марок и забыл все десять кляссеров с марками в такси. Соученик по Университету, умный и противный циник, поражавший мое юное воображение второкурсника регулярной нетрезвостью, однажды взял мой портфель с зачеткой, конспектами и, главное, с двумя пластинками английской рок-группы Трэффик, под каким-то предлогом вышел на минутку и... встретился случайно лет через пять, испуганный,

забитый, оправдываясь тем, что, вот, только с зоны и не бей, мол. Я не бил, было жалко. В поселке Юкки после концерта у нас, нищих рокеров, украли поганый усилитель и тактовый барабан. Упоминавшийся Маркович тоже ограбил нас. Зашел я через десять лет в пивбар Жигули и увидел его за стойкой жирным, солидным хозяином жизни, то есть пивного крана. Он был рад увидаться, поболтать, вспомнить славные денечки и даже не взял денег за две кружки пива. Был у меня друг. Красивый, талантливый, остроумный. Победил в девятнадцать лет на крупных международных соревнованиях. О нем писали. Он любил Элвиса Пресли и Роллинг стоунз и частично сформировал мой музыкальный вкус. Для нас с Лехой Матусовым он долго Оставался чем-то вроде маяка, поскольку все у него получалось. И еще он очень нравился женщинам. И еще он очень рано начал попивать, а затем и просто пить, оставаясь, однако, до поры красивым и талантливым. А я собирал пластинки. У меня уже собралось десятка полтора рок-пластинок в оригиналах и десятка три хорошей классики. Все это пропадает из моей комнаты на проспекте Металлистов весной семьдесят первого непонятным образом плюс сто пятьдесят рублей казны Петербурга. Довольно скоро по множеству косвенных, множеству словечек, жестов, встреч, звонков, чьему-то пробалтыванию, скоро становится ясно - обокрал-то талантливый друг. Запасные ключи от квартиры висели всегда у двери - бери кто хочет. Он, видать, и взял. Встречаемся иногда и об этом не говорим, а об остальном говорим по-приятельски. А теперь вот картежник...

Лозунг: Грабьте друзей - это безопасно!

О ворах можно говорить бесконечно и даже интересно о них говорить, даже со странным уважением мы обсуждаем, бывает, их ловкость...

Но ведь Витя-то Ковалев возродил аппаратуру! И ничего другого не оставалось, как продолжить восхождение. И если стена бесконечна, то вовсе и не имеет значения, в какой точке ее ты находишься, отброшенный лавиной обстоятельств. Важно движение, как факт, как содержание молодости.

Мы не ставили осознанных целей и не ждали от нашей музыки ничего, чего б можно было исчислить абзацами славы или деньгами. В начале семидесятых рок стал для моего поколения и круга чем-то вроде кузни, где тебя испытывают на прочность и где из тебя не важно что выковывают, но или закаляют или перекаливают.

Я начинал чувствовать, что перекаливаюсь.

Отчаянным весенним броском по бесконечной стене мы наконцертировались почти до истерии, от которой я спасался на стадионе,

ворочая тяжести, бегая и прыгая, в надежде воссоздать в себе спортивный талант, набросившись на спорт, как англичанин на ростбиф, а Никита Лызлов корпел над дипломом.

Несостоявшийся абитуриент Никитка, закосивший армию Николай и страдавший от язвы желудка Витя Ковалев спасались по-другому. Это другое сплотило их надолго, это другое сожгло мосты и лишило запасного выхода, который был у нас с Никитой.

С этим другим подъезжал все время Валера Черкасов и однажды он подъехал с банкой химического реактива, которым дышал и которым предлагал дышать Вите, Николаю и Никите. Это другое мне всегда не нравилось, не нравилось инстинктивно, и я, пользуясь правом Первого консула, обычно гнал с репетиций юных пыхальщиков - приятелей Никитин.

Во время концертирования на престижной и традиционной для тогдашней рок-музыки площадке Военмеха Никитка в Бангладеш загнул соло минут на пятнадцать и это был его кайф, и кайф Николая, Вити.

Я подошел и вывернул ручку громкости до нуля, но Никитка еще долго водил смычком по обесточенному альту, не понимая, а когда понял, вывернул за моей спиной ручку от нуля до предела и вонзился соло в куплет. Пришлось пресечь кайф бывшего школьника коротко и жестко - я просто выдернул разъем и выдернул так, что оборвался припой.

Но еще жило в концертах привычно-лиричное: Любить тебя, в глаза целуя, позволь, - пел Николай, и зал привычно был готов позволить все, все из того, чего ждал. - Позволь, как солнцу позволяешь волос твоих коснуться, - и позволял он мне строить терцию Николаю. - Ты надо мной смеешься. Позволь с тобой смеяться! - а после такой терции я еще верил, что могу заткнуть рот любому соло и лишь окрика или жеста достаточно для того, чтобы движение Санкт-Петербурга продолжалось без конца, движение, как факт, как содержание молодости. Но движение по бесконечной стене равно неподвижности.

Весенним истерическим концертированием мы лишь оплатили долги, образовавшиеся после восстановления некачественной аппаратуры.

Я же так старательно искал спасения на стадионе, что на меня перестали смотреть тамошние, как на пропащего, а мой тренер, великий человек, опять рискнул и предложил в середине апреля поехать под Сухуми на сбор, предложил таким образом готовиться к летнему сезону. Он предложил, я согласился и уехал, и все лето без особого успеха пытался доказать всем, что спортивный талант еще не пропал.

Летом мы несколько раз встречались на репетициях. Несколько раз

Санкт-Петербург кокетливо выступал без Первого консула на незначительных концертах. Там Николай играл на гитаре, пел свои песни, а Никита подменял его на барабанах.

В сентябре Санкт-Петербург взялся за новую программу. Соскучившийся по музыке, я страстно репетировал целый месяц, а в сентябре улетел в Фергану на осенний оздоровительный сбор, где были беззаботные дни, дешевые райские фрукты с базара и легкие тренировки. Я давно не был так спокоен, впервые, кажется, осознав, как должно выглядеть счастье, и жалея после, что октябрь пролетел так быстро.

Вернувшись в Ленинград, я застал Петербург в клубе Водонапорной башни за репетицией новых сочинений Николая.

- Я давно не знал тебя такой! - отличным, жарким ритм-блюзом встретили меня.

Я был согласен с ритм-блюзом, но испортил в итоге репетицию праздной моралью и требованием немедленно разучить две мои новые песни, не разработанные толком, путал слова и аккорды, бодро покрикивал на Николая и Витю, а Никитке шутливо предложил вообще заткнуться и встать в угол в качестве профилактического наказания. Я не понимал, что загорелый, откормленный, натренированный, имевший запасные выходы в спорте и дипломе истфака, что одним только видом своим вбиваю клин в трещину, разделяющую Петербург. Я был достаточно молод и соответственно глуп, чувства мои оказались хотя и яростны, но поверхностны. Иначе б догадался прекратить эти окрики, сытое ерничество, догадался б увидеть в своих товарищах талантливых артистов, загнавших себя на сомнительную тропу, то есть, нет, оставшихся вдруг на бесконечной стене без человека, взявшегося, пообещавшего тащить вверх, вдруг, если и не вышедшему пока из связки, то явно ослабившего ее...

Весной Николай попросил выделить денег на покупку недостающих барабанов - малого и бонгов. Мы решили выделить из общей кассы и в несколько заходов передали ему двести рублей. Наступил ноябрь, а барабанов нет. Хронически обворовываемый, я организовал расследование, благо его объект был всегда под рукой и не мог скрыться, и довольно просто выяснил, что никаких барабанов и не будет. Хронически обворовываемый и видящий воров теперь часто и в друзьях, припомнив Николаю трудовой семестр в метрополитене, я организовал какую-то китайскую кампанию по шельмованию товарища и изрядно в ней преуспел. Странно улетучился с годами дар внушения, видимо, теперь не хватает для этого однозначности мышления и узости представлений о должном. А тогда я мог говорить часами о том, на чем зацикливался, я и говорил весь

ноябрь о несостоявшихся барабанах, и неожиданно Витя Ковалев, после часовой обработки, предложил:

- Давай его прогоним - не могу больше. Ведь ты прав. Мы выкладываемся, ишачим, а он...

Шел дождь. Мы стоим возле Финляндского на кольце сто седьмого, и я поражаюсь выводам, сделанным Витей. Я вовсе не предполагал гнать Николая. Он являлся автором доброй трети петербургской продукции и вообще нравился мне.

- Как выгоним?

- А так! - Витя раскалялся на глазах и уже повторял произнесенное, убеждая и меня, и себя: - Выгоним к чертям. У меня есть барабанщик. Так невозможно жить, когда вот так... вот деньги... Он же с тараканами и с ним никогда ничего не поймешь. И он еще, понимаешь, он вечно поносит меня, а я ведь, считают, первый в городе басист. Выгоним и выгоним...

На следующий день я подловил Никиту на химфаке и сказал:

- Надо гнать Николая, потому что так нельзя жить, когда кто-то, когда нам так плохо, может за счет нас. Мы ведь дали ему на бонги и мальй, но не пройдет, хватит, нас сволочи уже кидали сто раз и чтобы еще и свой!

Никита посмеивался, посмеивался, нахмурился.

- Куда? Зачем? Николая гнать? Лемега позвать? Брать деньги, когда нам плохо... Это плохо... Но все-таки... Может, не гнать? Может, дать срок? Месяц. Дадим месяц?

Неожиданно повалили финансово заманчивые предложения. Одно за другим. После лета студенты еще не растратили в студенческих пирушках силы и стройотрядовские деньги. Вуз за вузом проводили вечера отдыха, и наши дела стали заметно поправляться. Мне б прекратить китайское шельмование товарища, но уже несло меня с горки и - эх! все побоку! лететь бы и лететь! Казалось, что подобным жертвоприношением все исправится, казалось, что выгнать человека можно понарошку, не сломав отношений, а слава и будущее Петербурга уцелеют.

Я говорил: Гнать, гнать надо. Витя говорил: Так невозможно жить, когда вот так вот деньги. Никита говорил: Ха, можно и гнать... А может, срок дать? - Пять лет, - отвечал сам же. - Без права переписки. Никитка же права голоса не имел, а Николай ходил затравленный, но барабанов не нес.

Теперь мне неприятно думать, что я был так жесток и глуп...

А студенты проводили вечера отдыха.

Некое содружество студентов проводило вечер в банкетном зале гостиницы Ленинград и желало нашего содействия. Мы согласились содействовать за сто рублей гонорара и привезли некачественную

аппаратуру в небольшой зал гостиницы, где и установили ее заранее напротив длинного банкетного стола. Санкт-Петербург, собственно, не играл в ресторанах, поскольку это считалось дурным тоном и поскольку программа у нас была сугубо концертная. Студенты, видимо, удачно потрудились летом и желали не просто слушать концерт, но и закусывать при сем.

Отстроив аппаратуру днем, явились, как договаривались, с командиром недавнего стройотряда к половине девятого, чтобы начать концерт в девять.

Студенты оказались в основном мужского пола, сидели они за длинным столом угрюмо, набычившись, сняв пиджаки, распустив галстуки и закатав рукава.

Начинаем концерт и чувствуем - что-то не так. Никаких тебе восторгов, аплодисментов, на нас просто не смотрят. Обидно, ну так что - играем себе и играем.

Дверь в банкетный зал приоткрывается, и в нее, я вижу, просовывается белая угро-финская голова. За головой появляется тело, и по одежде я понимаю - это действительно угро-финн, а точнее просто финн из соседней Суоми. Слушает, вежливо хлопает после финального аккорда. Скоро уже их несколько возле дверей. Слушают и хлопают этак вежливо, одобрительно. Скоро они уже, человек с двенадцать, сидят за индифферентным столом возле студентов. Кто-то из отдыхающих студентов взмахом руки пригласил их за стол. Сидят, выпивают, закусывают, аплодируют.

А студенты все также - угрюмо и набычившись. Не реагируют ни на Санкт-Петербург, ни на странных гостей. Тут мы и понимаем, что студенты так успели отдохнуть до девяти, то есть до начала концерта, что сил и сознания у них осталось лишь на угрюмость и на набыченность.

Лишь бывший командир пытается прогнать блондинов, тянет то одного, то другого за локти; блондины согласно кивают и стараются напоследок ухватить что-нибудь на вилку. Командир жалуется:

- Столько заработали - жуть! На той неделе гуляли в Москве. На позапрошлой в Неве. Денег еще навалом, а сил более нет. Что делать, а?

Он не знает что делать, а мы, похоже, знаем. Надо гнать Николая. На эту тему переговорено с избытком, уже и не говорим. Что говорить? Гнать надо. Но не гоним. На одной из репетиций в Водонапорной башне я вдруг начинаю поносить несправедливо Виктора, а Никитку затыкаю привычно. На Николая и не смотрю. По-людски толковать могу только с Никитой. А дома с родителями затяжная окопная война. Один месяц покоя и счастья все же не перевешивает четырех лет кайфа...

В конце декабря у нас несколько концертов на вечерах отдыха с закусками, а в середине декабря мы с Никитой заняты в Университете. В репетициях перерыв.

Даже Витя не звонит и не заходит, хотя живет рядом, зато звонят круглые сутки малознакомые олухи и от звонков нет ни покоя, ни радости. Я прошу брата-девятиклассника:

- Если позвонит кто, говори, что я умер.

Он и говорит. Эффект потрясающий - полгорода волосатиков гуляет поминки, оплакивая безвременно угасший талант.

Звонит Никита: Ты что, умер? - Да, я умер. Во сколько завтра собираемся? - В пять у Водонапорной. - Кто-нибудь звонил? - Никто не звонил. То есть покоя не дают по поводу твоей смерти. Но ни Витя, ни Николай, ни Никитка - эти не звонили. - А они, сволочи, знают, что у нас игра? - Как же! Знают. - Значит, в пять у башни. До завтра.

Завтра в пять прихожу на улицу Воинова, там клуб Водонапорной башни, и встречаю Никиту.

- Слышь, а наши уже уехали.

- Не подождали, сволочи. И ладно - таскать барахло не придется. Знаешь куда ехать?

- Я ж и договаривался. Это на Охте.

Едем на Охту и находим двухэтажную стекляшку-кафе. На улице мороз. Продрогшие, спешим на второй этаж, мечтая побыстрее согреться, и я еще лелею желание обругать сволочей за самовольный отъезд из Водонапорной башни.

Колонки и микрофонные стойки расставлены, провода аккуратно прибраны Витина работа. Он навинчивает микрофоны, а Николай возится с барабанами.

- Здорово, сволочи, - говорю я.

Оглядываю зал, замечаю нескольких незнакомых волосатиков, боязливо посматривающих на меня.

- Это что, - говорю с напором, - опять двоечник притащил?

- Нет, - Витя докручивает на стойку микрофон, подходит, мнетя, посмеивается, говорит: - Тут дело такое... Отойдем-ка.

- Никита, будь другом, достань Иолану из чехла! Пусть отогревается. Никита кивает.

Мы с Витей отходим к лестнице.

- Чего у тебя?

- Такое дело... - Витя мнетя.

- Говори же. Мне настраиваться надо. Кстати, штекер припаял?

- Такое дело... Н-да. Мы тут две недели думали.

- Умные.

- Подожди. - Витя собирается с духом и начинает говорить не коротко, но ясно: - Мы решили отделиться. У Никиты учеба. У тебя учеба и спорт. Это все хорошо. Вы побаловались, побаловались и привет. А нам как? Потом все с начала? Да и вы с Николаем не сошлись. Никто не виноват. У вас свои дела. Вы в рок-н-ролле люди случайные, а мы поставили жизнь. За аппаратуру частями выплатим. Сегодня играем без тебя и Никиты. Можете подождать и получить деньги. - Витя смягчается и просит: - Останемся друзьями?

Я чуть не задохнулся:

-- Это ты видел? Друзьями! У-у, сволочи!

Я иду к Никите и смеюсь над ним:

- Ты случайный, понял? - Он не понял, - Они жизнь поставили! У них жизнь каждый день стоит, а у нас - случается! Я из них, сволочей, очаровников сделал, а они - случайные! - Никита не понимает. - Ты не понимаешь? Нет? Нас выгнали! Меня эти сопли выгнали из Санкт-Петербурга, который я сделал...

Витя подошел и положил руку на плечо.

- Успокойся, старина. Мы не сволочи. У нас теперь другое название.

- Убери руку, дружок. - Я сбрасываю его руку и отворачиваюсь. - У вас не может быть названия. У вас и имени-то нет.

- Большой железный колокол, - говорит Витя и начинает злиться. Хватит, не воняй тут.

Я неожиданно успокаиваюсь:

- Ладно, перестая вонять. Что играть станете? Моих чур не играть.

- Мы две недели репетировали.

Набиваются в стекляшку рок-н-рольщики и кайфовальщики, а мы с Никитой садимся за крайний столик и тоже кайфуем. Хорошо сидеть и кайфовать, когда другие поставили жизнь. Ничего поставили, думаю про себя с завистью. Николай играет на гитаре, а на барабанах колотит Курдюков. Мишка Курдюков - был такой барабанщик. Майкл! Когда они его успели подцепить, сволочи! Здорово спелись, сволочи, хотя Николай на гитаре и не пашет, но в сумме нормально звучит, кайф! А мы с Никитой кайфуем за сиротским столиком семимильными шагами, и через полтора часа кайф оборачивается икотой и головной болью.

- А ничего. А? Ничего, это, они рубят, - икает Никита.

- Большой железный колокол, понимаешь, - икаю в ответ. - У них колокол, бля, а у нас икота.

- Ты кайфуй, сиди. Щас денег дадут.
- Кайфую. Главное, никакого тебе обходного листа.
- Кайф!

Мы получаем сотню пятерками, делим пополам и выходим на мороз. Сугроб на сугробе и сугробом погоняет - зима. Вихляя, подкатывает автобус. Я достаю пачку пятерок и выбрасываю ее на ветер. Подхваченные поземкой, пятерки вальсируют по сугробам.

- Деньги на ветер, - говорю я. - И ты выброси, Никита. Выброси.
- Нет, - отвечает Никита. - На фиг надо! Не выброшу. Ты пижон, старичок. Это работа.
- Это кайф, - не соглашаюсь я. - А кайф не стоит ничего. Ничего, кроме жизни.

- Вот-вот. Вот ее я и приберегу на случай.

Мы садимся в автобус и, долго икая, едем неизвестно куда...

Однако развод затягивается на неделю. Через Витю уславливаемся с Колоколом - те концерты, о которых договаривался я или Никита, работаем Петербургом.

Привычно улыбаясь кайфовальщикам и рок-н-рольщикам и дрыгая ножками, срываем несколько лавровых венков, получая по сотне от предновогодних студентов, и последний раз выступаем на сейшене с закусками в гостинице Советской, где на последнем этаже арендовали большой банкетный зал организованные кайфовальщики из недавних стройотрядовцев. То ли благосостояние росло, то ли солнечная активность виновата, но в конце семьдесят третьего почему-то Петербург приглашали концерттировать именно в кабаки.

Играем, дрыгаем ножками, кощунственно поем о том, чем жили вместе и с чем терзались на бесконечной стене.

Нас с Никитой не устраивает отставка по предложенной модели: вы, мол, случайные, а мы вам выплачиваем. Но в Водонапорной башне знают вахтеры Витю и Николая, и сейчас грузовик с глухим кузовом ждет, чтобы отвезти обратно. Вот именно - грузовичок. После концерта получаем сотню за поддельный кайф и долго грузим электродерьмо в грузовичок. Я подруливаю к ленивому водиле и, сунув десятку, прошу сперва подбросить на проспект Металлистов. Туда ехать делать крюк, но водиле за десятку все равно.

Новый год на носу, и это наш последний общий кайф. Я сажусь в кабину к водиле, а Витя, усмехаясь, говорит:

- Напоследок с шиком, да?
- С шиком, старичок, с шиком.

Мужики залезают в глухой кузов, и грузовичок фигачит по морозным улицам на проспект Metallistov.

Заезжает во двор, останавливается. Выпрыгиваю из кабины и распахиваю кузов.

- Вылезайте, сволочи, приехали.

- Ага, - говорит Витя, вылезая. - Черт, а куда это приехали?

- Ты приехал, куда ты, гад, за милостыней ходил. Никита поясняет:

- Такой попс, мужики. Сперва подсчеты - потом расчеты.

- Аппарат оставим у меня, подбьем бабки, а после разберемся, кому что. Колокол молчит. Витя сморкается, Никитка плюется, а Николай просто молчит и курит.

- Обжилите? - спрашивает Витя.

- Жилить нечего, - отвечаю я. - Помогайте таскать.

- На хрен еще и таскать, - ругается Николай и уходит с Никиткой, а Витя все-таки остается помогать.

Развод по-славянски с дележом сковородок, самоваров и мятых перин.

Итог нашего восхождения обиден и насмешлив: Никита - минус пятьсот рублей, я - минус пятьсот тридцать рублей, Никитка - по нулям, Витя - минус двести рублей, Николай - плюс двести сорок.

На этом, собственно, история славного детища моего Санкт-Петербурга заканчивается, но не заканчивается жизнь, и эта жизнь - веселая и честлюбивая штука - не дает покоя, хотя помыслы мои все на стадионе и надежды жизни все там, но не верится, что более не кайфовать на сцене, бросая свирепые и презрительные взгляды на зал, кайфующий и вопящий.

Я призываю под обтрепанные знамена удалых Лемеговых, сочиняю публицистическую композицию Что выносим мы в корзинах?, сделанную в трех но каких! - аккордах, и пытаюсь подтвердить законное право соверена рок-н-рольных подмостков. Отдельные схватки с Колоколом, Землянами и прочими вроде б и подтверждают силу, но объективный закон уже привел ленинградский рок к раздробленности, бессилию и временной импотенции. Грядут уже времена Машины времени, когда аферисты-подпольщики и кайфовальщики воспрянут духом и завертятся серьезные дела с московским размахом, помноженным на ленинградскую истерическую сплоченность.

Весной семьдесят четвертого я перепрыгиваю в высоту 2,14 на Зимнем первенстве страны, где побеждаю многих именитых, ближе к лету защищаю диплом, у меня рождается дочь, меня вот-вот забреют в армию на год... Как-то с Никитой в нестандартном состоянии крови и печени

появляемся на выступлении Колокола, где выползаем на сцену и с помощью Вити рубим мой супербоевик С далеких гор спускается туман, как бы прощание с бесконечной стеной без вершины. После я крошу гитару о сцену под вой кайфовальщиков и прощальный плач Колокола, после еду один домой, вдруг понимая, что - все, не могу, не хочу, истерия, невроз, хочу тихо-тихо прыгать, бегать и ничего не знать и не слушать.

Продаю свою часть аппаратуры, пластинки, магнитофон, обнаруживая перед собой новую отвесную стену, и стена эта - олимпийская и у нее тоже нет вершины, по крайней мере, для меня.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Фельдшер задирает подол белого халата и мочится на угол деревянного барака. Я останавливаюсь, опускаю на снег ведро, полное серебристого антрацита, а он, фельдшер, не переставая мочиться, повторяет надоевшее:

- Топить, топить надо! Температура падает.

Но температура на котле за восемьдесят, и я не виноват, что холодно в старом дырявом бараке возле пирса. Фельдшер стар, но не дряхл, он морщинистый, худой и низенький, напоминающий то ли морского конька, то ли черепаху без панциря. С утра фельдшер мучается похмельем и пристает к кочегарам.

Возле котла после улицы жарко. Я выворачиваю антрацит в ржавую бадью и начинаю чистить топку. Ажурные и горячие пласты шлака, ломаясь, вываливаются в широкий совок. Я выхожу на улицу и опрокидываю совок над сугробом, коричневая пыль летит по ветру, а снег шипит и плавится. Тридцатипятиградусный мороз прорывается под свитер, и я со странным удовлетворением вспоминаю про хронический тонзиллит, подтверждающий мое петербургское происхождение.

В моем возрасте, мне тридцать шесть, в моем тонзиллите и неожиданном кочегарстве нет ничего трагического. У меня есть серьезное гуманитарное дело, в котором, я чувствую, назревает удача, а кочегарка - это честный способ временной работой оплатить временное жилье с окнами на царский парк и золоченые ораниенбаумские чертоги.

Я возвращаюсь к котлу, закрываю дверь, долго сижу, греюсь, смотрю на огонь и курю. Ох, и надоел же мне этот фельдшер! У меня независимая комнатка возле медсанчасти, но мне хочется посидеть здесь и не думать о гуманитарном деле, к которому следует принуждать себя каждый день, поскольку еще на стадионе так учили и я свято верю, что принуждать себя стоит ко всякому делу, в котором рассчитываешь на успех. Я и принуждаю, хотя лень кокетлива и влечет, как женщина. До тридцати я был добротным,

словно драп, профессиональным спортсменом и до тридцати это было хорошим прикрытием для непрофессионального гуманитарного дела.

Но иногда хочется - чтобы сразу, чтобы без долгих терзаний на долгом пути, каждый шаг познания на котором лишь отбрасывает от загаданной цели, чтобы с простодушием новичка сразу победить и успокоиться.

И вот позапрошлой осенью мы встретились нечаянно на Староневском и поговорили, укрывшись от дождя в парадной.

- Ты ведь знаешь, - сказал Николай, - нас уволили.

- Знаю, - соглашаюсь. - Говорил кто-то.

Мы курим и вспоминаем то, что почти забыли. Николай отмякает и неожиданно признается:

- Жениться хочу.

А я ему:

- Совсем меня запутал, - говорю. А он:

- Нет, это фиктивно, - говорит. - Год за кооператив не плачу! Представляешь, директор столовой из Конотопа. С золотыми зубами. Пудов на шесть в сумме, - усмехается, прикуривает от зажигалки и продолжает: - Как нас из кабака погнали, Витя на курсы пошел и теперь цветные телевизоры чинит. Говорит, что денег, как у дурака махорки.

- Это называется приехали, - говорю я.

- Это может называться как угодно, - говорит Николай.

- Никита, считай, доктор наук. А Никитка?

- Не знаешь? Полтора года получил.

- Как же так?

- А вот так. Кайф!

Мы молчим и молча расходимся, а через неделю встречаемся в общежитии корабелки в холодной комнате, заставленной электродерьмом, и наша встреча глупа, смешна и глупа. Смешно то, чем мы занимаемся в корабелке полгода, забыв: я - о гуманитарном деле, Николай - о золотозубой конотопчанке. Мы репетируем музыку! Дюжину лет назад я наострил от нее лыжи и так шустро чесал прочь не оглядываясь, что вот опять, оказался в замусоренной комнате, полной электродерьма. Спасибо Жаку - длинному, носатому оптимисту. Это он командует электродерьмом и бас-гитарой, на которой и утюжит с посредственным упорством.

- Ты, Жак, похож на Паганеля. Или... не знаю. На изобретателя. На изобретателя пипетки!

Шутка подходящая.

- Ха-ха, изобретатель пипетки! - смеемся мы, а Жак больше всех. Он хороший парень и давно не пьет.

Мы - это мы плюс Кирилл на клавишах и Серега на первой гитаре, молодые мужики и почти виртуозы. Я же дюжину лет как не первая гитара, я вообще никакая гитара, просто я опять все сочинил, а у мужиков хватило ума, чтобы транжирить полгода и согласно раскрашивать простецкие гармонии. А как же ведь первая в России, как паровоз Черепановых, первая звезда рока! Я так долго не вспоминал этого, что теперь хочется говорить об этом на каждом углу. А Николай, похоже, помнил об этом всегда.

Весной на площадке Рок-клуба в приличном зале, где есть сцена и занавес, куда не попадешь без милицейского или культпросветовского блата, мы выступаем на концерте перед клубными троглодитами, шишки которых отводят нам место в первом нафталиновом отделении, Празднуется какой-то юбилей, и в первом отделении выступают старые пеньки рок-н-ролла. Отдавая должное желанием троглодитов на ретроспекцию, я знакомлю их со сценическими примочками пятнадцатилетней давности, то есть выбрасываю в зал на потраву троглодитам концертный пиджак, полчаса усердно пою и бегаю по сцене. Троглодиты кровожадно потрошат пиджак, а это значит: я со своим тонзиллитом, а Николай с конотопщицей, мы еще, выходит, конкурентоспособны.

- Один по весенним лу-жам иду туда, где еще я ну-жен. Лужи теребит ветер. Мой город лучше всех на свете!

После отделения за кулисы набивается рота почитателей, таких же старых пеньков, поздравляют с возрождением из пепла непонятно во что и поздравляют так, что по весенним лужам еле добираюсь туда, где еще я нужен.

- Попс! Крутой кайфовый попс! - пристают целый месяц знакомые троглодиты, от которых я шарахаюсь в ужасе, поскольку лишь на время отложил серьезное гуманитарное дело и боюсь, так сказать, испортить себе реноме, а Коля Мейнарт, серьезный критик из Таллина, оказавшийся на концерте, пишет: Наш ветеран похож на человека, уснувшего у пылающего огня и проснувшегося у потухшего костра. И вот теперь он тщетно дует на угли, пытаясь возродить былое пламя. Грустно, но трогательно.

Наверное, так выглядело со стороны. Но ведь я дул на угли для того, чтобы согреться, а не для того, чтобы приготовить завтрак. Этими завтраками я уже сыт по горло...

Снега нет совсем, но и зелени пока нет. И хотя солнце почти полетному оккупировало дни, небо еще холодно, а город кажется сиротским, неприбранным с грязными сырыми газонами и мусором в каналах - этих удивительных сточных канавах, оправленных в классический гранит.

Неуютно и в пригороде Шушары, в котором под афишу, чин-чинарем,

мы концертируем за символические, зато легальные рубли вместе с экстравагантно-веселой группой Аукцион. Эти ребята работают в новой волне остроумно и с жениховским напором, который и сублимирует в декадентский спектакль.

Танец с условными саблями, исполненный в Рок-клубе месяц назад, дает право Городу, так мы теперь называемся, играть второе отделение. Мы играем вдруг настолько собранно, что нас теперь уже (правда, не без происков со стороны приятелей-начальников в современном, узаконенном временем рок-жанре, отведших нам с Николаем место в величественной гробнице романтического начала, в какой-то пирамиде, в неприступности мертвого величия) приглашают, нам позволяют принять участие в очередном фестивале рок-музыки.

И, раскрутив колесо опять, я думаю: Да, мы утерли нос женихам и показали настоящий "драйв". А мертвая легенда, как подкачанная шина, обрела упругость, и колесо завертелось. Но тогда у нас было по одной мысли, а вместе, как сжатые пальцы, мы становились кулаком. Теперь только у меня пятьдесят мыслей и все о разном. И у Николая сто пятьдесят. Да сколько еще у наших виртуозов! И мы - как открытая ладонь...

Я шурую в топке котла длинной кривой кочергой и вспоминаю о том, как опять все сочинил и отпечатал тексты в трех экземплярах и в добродушном учреждении народного творчества мне заверили их печатью, поскольку в моих текстах не было крамолы. Смотря что принимать за крамолу. Ее не было и тогда в нынешнем понимании, как нет ее теперь в понимании прошлом. Главное! У меня не хватает молодости для диктаторства, и я не могу потребовать от виртуоза Сереги, чтобы он сжал свое виртуозство, а не размочаливал по всем тактам так, будто выговаривается на гитаре в последний раз. Я не могу объяснить Кириллу, что все верят в его вкусный и быстрый пианизм, и не стоит ему состязаться с Серегой, выплескивая вместе с водой из ванной младенца моей певческой мысли. А Николаю я уж и подавно не говорю, а надо бы сказать:

- Коля, хорош! Ты, я знаю, отличный и тонкий аранжировщик, а я стихийный недоносок. Но всякое сценическое действие имеет смысл, только если обречено на успех. Нас же спасет только энергия, а во мне ее хватит, пожалуй, на разок-другой...

У меня нет права ломать им кайф, и я не говорю ничего.

А город тем временем почти повеселел зеленью и похорошел.

Я нарочно сочиняю бредовую композицию а ля я памятник воздвиг, в которой пространно утверждаю, что все теперешнее чушь собачья, а я да Николай, мы еще дадим всем про это самое. Композиция называется

Мужчина это рок.

Намереваясь подтвердить делом объявленные претензии на мужчи́нство и желая как-то подпитать серьезное гуманитарное дело, я отправляюсь за неделю до фестиваля в дачный поселок Дивинское с топором и пилой. Володя Мартынов, старинный приятель времен бандитских налетов на Муху и химфак, а теперь округлившийся и лысеющий макетист, нечаянно получил заманчивое предложение. Заманчивое предложение - это сруб в двенадцать несчастных венцов, это стропила, это ломовая работа и быстрые деньги. Что ж, мужчина - это рок, соглашаюсь я на его предложение поучаствовать в плотницкой затее. А если рок - это я, то и плевать на злое майское комарье и мошку, от которой на ночь приходится заматываться в тряпье, но даже сквозь тряпье до утра поют под ухом кровососущие гады; а если рок - это я, то и плевать, что бревна мокры и тяжелы, офигеть можно, и может развязаться пупок, но видать его хорошенько когда-то завязали, и мы эти офигенные бревна раскатываем и рубим пазы и замки целую неделю, поскольку рок там или нет, но у Мартынова семья и сыну нужен мопед, а у меня серьезное гуманитарное дело и если б раньше знать, насколько оно серьезно, то, может, и хватило б ума подыскать себе дело посчастливей и повеселей. А повеселей - сочинять песенки и дрыгать ножками на сцене, хотя и это веселье обошлось много кому боком, и, махая топором перед фестивалем, я прихожу к временному выводу: Ведь и нет, брат, такого дела в нашей пролетающей жизни, которое не потребовало б хоть малости пота и мозолей до крови...

Тут поспекает и настоящая кровь. Мы заканчиваем нижний венец и на скобах пытаемся приподнять семиметровое, сырое офигенное бревно и посадить на замки. Всесильный рывок - и Володя отлетает в сторону, падает на топор, разрубает запястье, бежит к палатке, я бегу за ним, ищу бинт, пугаясь, глядя, как сочится кровь из зажатой раны... Рана не так страшна, как показалось со страху, но все равно надо ехать в город и накладывать швы. Но все одно я собираюсь ехать в город, чтобы после топорино-комариной недели правомочно заявить с фестивальной сцены все, что думаю о мужчинах...

Да, есть товарищи-начальники, не желающие видеть в нас с Николаем ничего, кроме мумий. В том десятилетии они подходили на цыпочках, и мы их знаем, как солдат томление, и теперь им не в кайф, если мумии оживут и, не дай бог, выскажутся с фараонской бесцеремонностью.

- Почетное право открыть фестиваль мы предоставляем Городу, - объявляют на собрании артистов перед боем.

Ага, - думаю я, - открывающий всегда в пролете. На нас станут электродермо отстраивать. Открывающие всегда проваливались на их фестивалях.

- Модель и Алиса в первый день после Города, а во второй день с утра... так-так... и вечером Аквариум... а потом...

- А жюри? - спрашивают артисты.

- Такие-то и такие-то, - отвечают начальники рок-н-ролла.

- Это же враги первостатейные! - не нравится артистам.

- Еще мы проведем в жюри таких людей, которые станут отстаивать принципы и наши идеи.

Конечно, идеи! - злюсь я. - Всегда находятся идеи и те, кто желает их отстаивать. Ведь безболезненно и выгодно, не умея ничего, иметь идеи и намерения их защитить.

Я думаю и о том, как умеют они сплотиться вокруг любой малости, дающей возможность, не умея ничего, иметь все.

А теперь говорят о билетах, а это тасовка номер один.

Начинается ругань. Делят билеты. И это не смешно.

- Участникам давали по пять! - кричат артисты.

- А теперь по два, - отвечают начальники.

Ругань продолжается. И все делят билеты. Это не смешно, потому что артист готовится к любительскому фестивалю год, тратит время жизни и деньги, и не получает за работу ничего. За его работу получает ДК, продавая тысячи билетов, много кто получает, но меньше всего артист. Будет неправдой сказать, что артист не получает ничего. Фестиваль - это пять концертов, а если тебе как участнику дают пять комплектов, то в сумме выходит двадцать пять билетов, которые перекупщики оторвут с руками, ногами и головой до червонца за билет, то есть, сокращая билетные льготы для выступающих, сокращают их возможную зарплату.

Я всегда говорил, что хуже всего быть рок-артистом, а лучше всего защищать идею и не уметь ничего.

ДК продает тысячи билетов, но не через кассу. По заявкам на предприятия. Наверное, и по липовым заявкам. У маклеров комплект фестивальский стоит до сотни и комплекты берут, еще как берут, ведь на фестиваль приезжают из разных городов провинциальные троглодиты, и им не жаль на троглодитство своих провинциальных денежек.

Ругань ни к чему не приводит. Выдают по два комплекта. Я бы артистам объяснил, как получить по пять в одну секунду. Я же знаю, как тасуются на билетах в принципе, И в принципе чую крутежку за версту, но мне просто лень организовывать восстание. Наверное, приятелям-

начальникам потому и радостней думать, что мы с Николаем мертвые, великие мумии.

Я подхожу после собрания и говорю:

- Первыми - это ж подставка. Я и так вылезая раз в пятилетку, а вы меня подставляете.

- Нет. Ты не прав. Во-первых, Городу логичней открывать фестиваль. Ты сам понимаешь. Во-вторых, выкатывает ЛДМ Динаккорд, и вы успеете покатать программу.

- Динаккорд? - спрашиваю я. - Будет Динаккорд? И дадут покатать программу?..

В последний день весны почти жарко. К двум часам лечу в ДК катать программу на Динаккорде. До-мажорная губная гармошка Хохнер со мной, театральная драная футболка со мной, театральные тапочки со мной. Ага, я же звезда рок-н-ролла и от меня до Земли несколько световых лет!..

Сценический образ подсказывает бытие - я мужик с топором в руке, от меня должно нести махоркой и сивухой. Решили Городом сгоряча: в конце отделения под гвоздящий риф Сереги колуном порублю на дрова дюжину чурок. Но не нашелся колун и желающие приволочь чурки. Зато Николай обещал подыскать на стройке, которую охраняет, сутки через трое, пару новеньких, но незаметно расколотых кирпичей. Мужчина - это рок! Буду поддельно ломать кирпичи на сцене. Хватит с троглодитов и липовых кирпичей...

Я прилетаю в ДК гонять на Динаккорде программу, но Динаккорда нет еще, зато есть Николай. Он стоит злой с приятелем возле запертых служебных дверей. Приятель желает пройти на открытие фестиваля и заготовил целую сетку классических русских взяток.

-- Не открывают, - говорит Николай не здороваясь. - Охренели.

Я стучусь в стеклянную дверь.

Мы этому вшивому домику культурки план за так делаем, а они... - думаю, но не говорю ничего Николаю, а спрашиваю:

- Жак где?

- А-а! Изобретатель пипетки. Он внутри, говорят, на сцене ковыряется.

- Короче, - говорю, - Пойдем-ка на солнышке загар половим.

- Пойдем к реке, - говорит Николай. - У Пети тут... Лучше у реки. Понятно, - думаю. - Конечно, Петя. Как нас эти Пети любят, и как не прочь теперь с ними поякшаться Николай.

- Пойдем, - соглашаюсь, - хоть к реке, хоть куда.

ДК чист, благообразен; светел, а за ним мазутный обрыв к Неве. По нему мы спускаемся к самой воде и устраиваемся возле ржавой бочки, Петя

шуршит свертком.

- Ты не забыл - нам играть сегодня. Сыграешь?
- Нормально, все нормально, старик.
- А это? - Я киваю на Петю и его сверток.
- Только лучше будет.

Тепло так, и вода рядом, сидеть бы и сидеть. И никакой, главное, истерии после плотницких забав. Кайф!

- А кирпичи! - спохватываюсь я.

- Вспомнил, - усмехается Николай и расстегивает сумку. - Держи. - Он достает гладкий яркий кирпич с симметричными дырками, словно это сырный оковалок.

- Совсем не видно, что сломанный.
- Цельный день искал!

Николай мне не нравится. Но я не диктатор, и его право нравиться или не нравиться мне.

Над обрывом появляется Жак.

- Динаккорд е? - спрашивает Николай.
- Нет, - кричит Жак с обрыва. - Везут.

- Пойдем? - предлагаю Николаю. - Настроиться надо. Да и с барабанами разберешься.

- Пускай они меня позовут, - говорит Николай.

- Ладно, седи. Позовут, когда надо будет. - Я поднимаюсь, но и Николай поднимается.

- Дождешься их, - говорит. - Ладно, покачумали.

Мы поднимаемся к Жаку. Тот посматривает на Николая и посмеивается. Возле ДК уже шеренга милиции и толпа троглодитов. Нас пропускают в стеклянную дверь служебного входа и мы находим свою артистическую комнату.

- Virtuozы явятся, нет?

- Все нормально. Они за примочками полетели.

Слоняюсь по полупустому ДК, сижу в буфете над стаканом сока, мотаюсь по фойе, где разглядываю разноцветную выставку с фотографиями модных рок-артистов. Наташа-фотограф смеется за спиной:

- Я ваших фотографий не делала. Скажи Николаю спасибо. Слайды мои посеял... Плевать мне на твои фотки, - думаю, но тут же неожиданный холодок обиды растекается под сердцем. У Наташи-фотографа целый архив негативов. Она снимает уже лет... не знаю сколько, но много. Даже штамп свой - Наташа: поп-фото. Желающие могут приобрести фотки любимых рок-артистов по рублю за фотку. А Николай, значит, ей насолил, и она,

выходит, не станет нас продавать по рублю. Да и кому мы нужны! Были б нужны, намолотила б кубометр фоток и не помнила б обид. Я всегда говорил, что рок-артистом быть хуже всего.

Но хуже всего то, что желанный Динаккорд привозят только за час до начала. Сто человек, наверное, бегают с причиндалами рок-труда, но они-то могут спрессовать время и извлечь через час хороший звук, а я вот, мне, можно сказать, арии петь, Бориса Годунова и Фигаро одновременно, если по качеству и - нет, то по отдаче трижды - да; а вот как мне в оставшихся шестидесяти минутах собрать себя, Николая и наших виртуозов в кулак, привыкнуть к залу и звуку в зале, походить по сцене и пробно подрывать ножками и по десятку тактов из каждой арии врубить перед пустым залом?..

Жак чокнулся от сотни бегущих человек, а ведь ему лично следует разобраться с пультом, которого он до того и в глаза не видел. Кто только не достает Жака! Со сцены орут виртуозы, просят звука в мониторы, а он смотрит в точку и ноль реакции.

- Жак, - отвожу его и впахиваю в кресло где-то в девятом ряду. - Жак, слушай меня внимательно.

- Все будет нормально, - отвечает Жак.

- Да, все уже нормально, но послушай, Жак. Ты слышишь? - Жак не слышит. - В конце мой номер с гитарой. Мужчина - это рок. Да, Жак? Ты обещал притащить двенадцатиструнку. Притащил?

Жак не слышит. Я хлопаю его по плечу и предлагаю:

- Выпить хочешь?

До него доходит. Он мотает головой и отвечает со смешком:

- Нет, я не пью. Знаешь, я екнусь сейчас. Ничего в пульте не понимаю... Все будет нормально.

- Гитару ищи.

- Гитара. Конечно!..

За кулисами тасовка из кучи парней, но больше из девок, которых провели без билетов по липовым спискам артисты за разделенные симпатии. Вот девки и колбасятся тут. В зал уже впускают троглодитов, и трендит звонок. Из тасовки возникает Жак с самопальным Стратакастером типа Джипсон.

- Я ж говорил, - говорит Жак, и я примеряю гитару, как примеряют чужой пиджак, когда нечего одеть на вечеринку и некогда выбирать,

- Ты говорил, - соглашаюсь я.

В нашей комнате Николай и Петя, а виртуозы, кажется, еще возьтятся с примочками. Николай выглядит прилично и говорит:

- Не сходи ты с ума. В нашем возрасте это не прилично.

- Тогда скажи Пете, чтобы доставал из свертка.

Мы так сидим недолго плюс пепси-кола из домкультуркиного буфета и уже балагуриим, а Николай говорит:

- Главное, чтобы Кира не завелся.

- Хватит и Сереги. Ты прав.

Объявляют в динамике на стене, что пора выползать, и мы выползаем в театральнх тапочках, футболочках, джинсишках и пиджачках, чуть покачиваясь от переживаний, выползаем в тасовку коридора и я кричу:

- Кира где?

- Я здесь, - возникает Кирилл. - Мой выход.

- Твоя увертюра, Кира. Дай им.

Там сцена желтеет от огней и шум троглодитов. Туда-сюда, объявляют в микрофон, фестиваль, значит, жюри, вот, козырь на козыре и то да се, пару шуточек, свет сжимается и в полусвет выходит Кирилл увертюрить на клавишах. В полусвете сцены Кира гоняет по клавишам рояля, электроклавишам органа и синтезатора табунок тридцать вторых и шестьдесят четвертых. Заряжает в программу булькающий бас, отбегает на дюжину сажений, а я говорю мужикам:

- Готовность!

Кирилл разбегается и в прыжке бьет по клавишам кулаком, вызывая взрыв Звуков в Динаккорде, а мы выпрыгиваем под взрыв клавишей и взрыв троглодитов. Кайф!

Серега начинает гвоздить рифом, на восьмом такте набегае на малые палочками Николай, а в девятом я запеваю хит из прошлого десятилетия: Двери свои открой... Тогда это волновало кайфовальщиков... Смотри, наши души, наши души летят... Теперь у Сереги супер-риф и супер-Динаккорд у всех нас. На древней дороге, где свет, пыль и мир...

Древняя дорога продолжается, на ней мы в арьергарде времени и я зря не настоял, чтобы не вылезать с Древней дороги. Coda! И троглодиты прохладно постукивают ладонями.

- ...На столе стакан, а в стакане чай...

Вперед по древней дороге в пыли, поднятой обогнавшими лимузинами, на скрипучей арбе, на медленной арбе в пыли одиночества и отставания...

- Посидим молча, посидим! Посидим молча!

Coda! И троглодиты, вняв призыву, сидят молча.

Ни ноты молчания. Гвоздят Серега и Кира рифом, одолженным у Куин. Пора уже дрыгать ножками и выколачивать молчание из троглодитов,

если не выходит чистым, понимаешь ли, искусством. И дрыгаю, благо бывший профессионал в смысле ног. Ну и черт с ним! На сцене за успех брата задушишь. Coda!.. Чуток шума есть и пара одобрительного свиста пополам с неодобрительным.

- Вперед, Серега!

Мы убегаем со сцены, и Серега один в одиноком белом луче наступает на троглодитов своим виртуозством и ему минусово свистят враги кивков в хард, но у Сереги не кивок в хард, они ничего не понимают в виртуозстве, им бы только неформально объединиться вокруг все равно чего, и Серега перепиливает их минусовые свистки, оживляя одобрение, после которого к Сереге присоединяется Николай, Жак и Кира, а мне три минуты отдыха и мыслей: почему не катится и где драйв, почему в пригороде Шушары катилось, а теперь драйва нет? Тут не объяснишь - нет и нет. И нет времени разобраться, остановить арбу и на обочине пикникнуть и ля-лякнуть под глоток родниковой воды и сигарету. Три минуты, как три копейки, уже в прошлом, а я на сцене опять И недавнее прошлое мое стоит за кулисами...

Драматическая, программная моя ария. В ней хотел чистым плачущим кристаллом обо всем разом. Вез маски, без стеба, без шизовки, без всего того, что обрекает на успех, без теперешнего декаданса, без подкрашенных губ и глазок, кокетничающих с патологией, без всего того, что оккупировало сцену моего любимого жанра, от которого я чесанул много лет назад...

Припев наступает из соль-мажора в си-минор, в фа-диез-минор, в си-минор, как у попа была собака, по кругу, кайф!

- Слышишь ли хруст в сплетенье ветвей? - Я слышу хруст в голосовых связках, их нет смысла жалеть раз в пятилетку. - В этой ли чаще пропасть нам! - Через двадцать минут голос от форсажа сядет, станет першить в горле, но через двадцать минут будет все равно. - Сплетенье жизни в сплетенье смертей! В этом городе, как в чаще лесной! - Соль-мажор, ми-минор... по кругу, по кругу, кайф!.. - В этом городе шаг за шагом! нота за нотой проживу себя-а! Кто мне поможет и кто подскажет, как жить в этом городе, в этой чаще лесной! - Кажется, связки лопнут, словно мачты в бурю, но паруса уже закатаны к перекладинам и падает голос с хрипящих высот в риторику полусшепота: - Кто там идет за тобой? - За ним синкопа, как хромая собака, и опять: - Кто там идет за мной? - В полунапряжении, готовясь к броску в третьей части, когда голос с Серегиним рифом в одну дуду станут заполнять четверти си-минора и ми-минора, спотыкаясь на фа-диезе, а я поперек такта программно завою: - Спа-си меня (риф и подпевка унисоном), спаси! Пропускаю четверть, Догоняю фоновым речитативом: -

Так надо, да! (Риф и подпевка унисоном.) - В этом городе, кто поможет мне! - спотыкаюсь на фа-дизе и обрываюсь полукатарсисом в наступившей code...

Потом я помню в общих чертах. Я дрыгал ножками и изображая тупое фуэте. Болело плечо, натруженное топором, и спина, офигевшая от бревен. Я дрыгал ножками, крутил фуэте, поглядывая, как Николай колотит, и переврал несколько раз слова, смазав две соды.

Странно, но теперь между залом и рок-артистами отношения довольно враждебные, с неформальными объединенцами надо заигрывать, и с ними заигрывают те, кто работает в рок-н-ролле профессионально. Слава богу, мы не работаем профессионально, и, слава богу, в фестивальной зале фифти-фифти неформальных объединенцев и знакомых зрителей, последние и оживают назло неформальным объединенцам и стучат ладонями уже в нашу пользу...

Нарочно всех ругаю и прославляю себя, подбрякивая на Стратакастере типа Джипсон. Мужики отвалили со сцены на пока, и теперь мой сольный Номер. Нестандартно долго всех поименно ругаю и хвалю себя, и только под завязку выбегают мужики и в последнем припеве, когда я хрипло декларирую уже и себе надоевшее: Мужчина - это рок! - обозначают мужики контрапунктом Барыню, а я сбрасываю с плеча Стратакастер типа Джипсон и лечу на авансцену, где меня поджидают кирпичи. Гвоздь, одним словом, программы. Троглодиты уже не рычат на нас и, чтобы закрепить в их яичных мозгах родившуюся доброжелательность, поднимаю первый кирпич...

Кирпич новенький такой - фиг подумаешь, что сломан. Шмяк! С размаху о колена поддельно разбиваю разбитый и неуправляемая половина летит в первый ряд, задевая заслуженную певицу эстрадного жанра, оказавшуюся там по большому благу, а вторая половина попадает в усилитель Динакорда и гасит в нем лампу. Ломаю второй кирпич, рву на себе футболку - ух! мужчина - это рок! - и убегаю за сцену. Можно было просто натащить кирпичей груды, а не репетировать музыку полгода неизвестно зачем.

- Крутой кайфовый попс! - такого более знакомые троглодиты не говорят, только многозначительно хмыкают за спиной, а в газете Смена через неделю читаю:

Открывала фестиваль группа "Город". В ее составе мы увидели Нашего Ветерана - живую "реликвию" ленинградской рок-музыки. Жаль, постоянные гитарные "запилы" и невыразительный вокал подпевки не позволили Нашему Ветерану донести до зрителей свои интересные тексты.

Осенью в Рок-клубе по рукам ходили бумажки, сочиненные тамошними мыслителями, и в них:

Группа "Город" была с ностальгической теплотой встречена теми, "кому за тридцать", и с глубоким недоумением - молодежью. Дело в том, что руководители "Города" - Наш Ветеран и Николай Корзинин - в прошлом являлись организаторами первой в Ленинграде русскоязычной рок-группы "Санкт-Петербург". Это было еще в начале 70-х, и легенды об этих сказочных временах передаются из уст в уста и по сей день... Наш Ветеран неоднократно предпринимал попытки "камбэка", и в этот раз все, казалось, должно быть удачно: Корзинин - на барабанах, "Жак" Волощук (экс-"Пикник") - бас, блестящий гитарист Сергей Болотников да и сам Ветеран в неплохой форме.

Но что-то не сложилось. Хотя "ветеранские" тексты - одни из самых интересных, они совершенно русские, а нежелание "Города" становиться в позу "героя" глубоко симпатично. Но Для Нашего Ветерана - это хобби. А хобби есть хобби. Результат - неполная отдача на сцене... Так что, увы, все шоу "Города" смахивало на пышную свадьбу, где возраст невесты исчисляется седьмым десятком. "Горько"! И обидно...

Иду в ледяных сумерках вдоль пирса, вдоль заборов и кирпичных зданий к вокзалу, В электричке тепло и дурно пахнет. Мне ехать час почти, дремать и зевать. В безделии часа и зевоте Я вспоминаю, как в семьдесят четвертом, развалив Петербург, Николай, Витя и Никитка полетели, закусив удила. Они стали первыми номерами среди концертирующих перед рок-н-ролльными люмпенами и два сезона поддерживали кайф на высшей отметке, пока не оказались в Красноярской филармонии, куда их заманили

Пресловутым длинным рублем. Ох, намерзлись и наголодались, рассказывал Витя, они Там, обжиленные в итоге должностными филармонистами. Их наняли в часовую команду подыгрывать певцу-махинатору, и высшая отметка их кайфа не канала вовсе в тамошней филармонии. После Колокол перевоплотился в кабацкий бэнд и сперва успешно карасил в гостинице на Чегете, куда съезжалась околоторнолыжная публика. Там мужики отхарчились на карасях и привыкли к сытой жизни. Караси присылают за персональный музыкальный заказ, он стоит пять или десять рублей, и случалось карасей за вечер хоть пруд пруди. А местные кавказские жители расплачивались анашой. У них анаши больше, чем денег, хотя и денег навалом.

Тогда мужиков и накрыли случайно. Приехали серьезные люди и нашли в джинсах у Вити масть. Серьезные люди приехали разобраться по поводу предыдущего кабацкого бэнда, через который в Ленинград шли

крупные партии масти. Витя выезжал в Ленинград отнекиваться и отделался в итоге легким испугом, но караси на Чегете шли и шла масть. Никитка закайфовал серьезно и сел на кокнар, а теперь вот - на полтора года. Он был уже на кокнаре, когда его пригласили в Москву работать в известном, а теперь так и просто маститом проф-рок-оркестре. Он там здорово поиграл на скрипке и гитаре, вернувшись после в Ленинград с короткой славой и без единого гроша. Он мне показывал при нечаянной встрече венгерский музыкальный журнал, на обложке которого красовался в полный рост с Телекастером наперевес, Внизу обложки, в ногах у Никитки, помещалась небольшая фотография Лед Зеппелин.

Мне час почти ехать до города и, вспомнив Никитку, я стал вспоминать тех, кому кайф рок-н-ролла вышел боком. Н-да, здесь мы похоже, вышли на уровень мировых стандартов.

Я вспоминаю Валеру Черкасова из группы За, его толковые суждения о музыке и суждения вообще и то время, когда он решил не писать диплом в Университете, а стал дышать химией. Была такая у рок-люмпенов мода, и мне тогда это казалось смешным. Но, вдруг, я узнал, что Валера пытался покончить с собой: взял два скальпеля, упер в стол и уронил на них голову, стараясь попасть скальпелями в глаза. Он не умер, даже уцелел один глаз, но не уцелел разум. Он сам хвастался диагнозом: параноидальная шизофрения. Он стал страшен в общении, словно черные щупальца безумия душили тебя в его присутствии. Говорят, он пытался переложить на музыку Конституцию, озвучивая ее двумя аккордами параграф за параграфом и записывая на магнитофон. Через несколько лет он умер на кухне своей однокомнатной, жарким летом умер в одиночестве, и пришлось жильцам ломать дверь - страшный запах разложения проник в соседние квартиры.

Пусть не многие так кайфовали, но зато с лютым российским упорством. Несколько лет назад умер Александр Давыдов из популярных Странных игр. Несколько отличных музыкантов отсидело за кайф сроки. Добрый мальчик с мягкой улыбкой, приличный поэт, сочинявший тексты для Николая, попался в милицию с двумя граммами пластилина. Отделался легким испугом условного срока. Мальчик проскочил зрелость и похож на старика.

Да и без кайфа кайф рок-н-ролла поразбросал и покосил многих. Российское наше лютое упорство!

Жора Ордановский лет десять упорствовал, пока его Россияне не стали в начале восьмидесятых первой рок-группой города. В январе восемьдесят четвертого Ордановский пропал без вести (в мирное-то время!), и недавно

в Рок-клубе провели концерт в его память.

Был у Вити Ковалева приятель, друг детства. Тоже Жора, тоже, как Витя Ковалев, мастеровой, с выразительным лицом парень и крупными рабочими руками. Тот Жора очень любил Дип Пепл. Он так любил Дип Пепл, что изловчился жениться на английской девице и уехал в Англию, чтобы ходить на концерты Дип Пепл. Ходил, наверное. Приезжал через несколько лет, привез Вите Ковалеву фирменные басовые струны. Сидел у Вити на кухне и молчал. Лишь сказал, что работает садовником. И все. Витя Ковалев говорил, будто у английского садовника Жоры такие руки, такие мозолистые и натруженные, что руки нашего тракториста по сравнению с его, Жориными, сойдут за холеные руки пианиста или фокусника.

А Мишка Марский, да-да, Летающий сустав, умотал то ли в Бостон, то ли в Чикаго. И умотал, свинья, даже не попрощавшись.

Я бы мог много вспомнить разного и страшного, на целую повесть! Но электричка уже тормозит возле платформы Балтийского вокзала, и пора вспоминать, для чего я, нарушив трудовую дисциплину, оставил кочегарку и прикатил в город...

У меня в трудовой книжке имеется выдающаяся запись: Руководитель семинара по рок-поэзии. Работай я в собесе, за такие записи не начислял бы пенсии. А мне и не начислят, поскольку никакой рок-поэзии нет. Однако осенью восемьдесят четвертого я заключил с Домом народного творчества договор, по которому обязался обучать слушателей семинара этому несущественному ремеслу.

На общеклубном собрании торжественно объявили о начале работы семинара, и в ближайший понедельник в скромной комнате меня поджидало человек с тридцать. Аудитория представительная. От квазихиппи до резких мальчиков в черных кожанках с бритыми макушками. Троглодиты, олухи царя небесного и неформальные объединенцы - так расписал их мысленно по сословиям. Я хоть и полный георгиевский кавалер рок-музыки, но предстоящее меня волновало. Я прихватил гитару и побрякал олухам перед разговором, как бы давая понять, что свой. Свой не свой, но работа началась.

Но ведь это невыносимо трудно заниматься тем, чего нет!

Сперва я пытался вести разговор в торжественно-академическом стиле и несколько распугал немых рокеров амфибрахиями. Работать приходилось в потемках, методом тычка и, тыкаясь так, я набрел на Поэтику Аристотеля и стал плясать от Поэтики, как от печки. Получилось ненавязчиво и весело. Немые рокеры приносили сочиненные тексты,

распевали их под гитару, а мне приходилось каждый раз устраивать представление, дабы, ругая услышанное, не тревожить революционных рок-н-рольных чувств и не заслужить обвинений в конформизме. За достижение почитаю разоблачение плагиата в творчестве одного троглосеминариста. Подправленный до народного ума текст Гумилева выдавал за свой.

Стиль, вроде, был найден, дело двигалось, но как-то пришли трое вежливых таких, в кожаных курточках, с челками, внимательными взглядами и полуулыбками. С магнитофоном пришли и вежливо слушали мои разглагольствования, а в перерыве один спросил:

- Мы хотим показать и обсудить тексты.

Настроение у меня было приподнятое, я только что удачно шутил и разделялся с троглодитскими сочинениями.

- Что ж, давайте тексты. А группа как называется? - Труд.

- Оригинальное название! У вас и запись есть?

- Да, - отвечает подошедший, а те, что с ним, уже прилаживают к розетке магнитофонный провод.

- Что ж, давайте тексты, - повторяю.

Мне протягивают картонную коробку от бобины, на которую наклеено Труд, вырезанное заглавие всесоюзной газеты, и несколько газетных информационных.

- А где тексты?

- А вот. Мы исполняем уже опубликованное и хотелось бы залитовать. Ведь опубликованное литуют сразу, да?

Немытые рокеры (конечно они мытые, просто я так привык их про себя звать) собрались слушать. Бобины закрутились, из динамиков полетели смутные звуки, - выкрики, бряканье нестроющих гитар, а я стал вчитываться в опубликованные тексты. Одна информация говорила о том, что неподалеку от Бонна собрались неонацисты на очередной шабаш, то да се, и, мол, неонацисты активизируются. В музыкальном варианте смысл выворачивался наизнанку и доходил до слуха лишь многократный рефрен, исполняемый под стук пивных кружек: Неонацисты активизируются! Неонацисты активизируются! Дальнейшие композиции развивали тему. Немытые рокеры веселились, приняв все за шутку, а я растерялся... Я родился через несколько лет после войны, а они после первых полетов в космос. Мы, вроде, говорили про одну музыку, про Битлз, Стоунз, про хард, рэггей и прочее, но принадлежали, получалось, к разным цивилизациям. Я не мог шутить над такой... музыкой будет сказано неправильно... а они шутили, а эти трое еще и сочиняли такую.

Немытые рокеры, эти в основном славные олухи, троглодиты, объединенцы и девушки, искренние в своем неосмысленном до конца несогласии с ложью и жестокостью жизни, они ждали моей реакции, представляя, видимо, как я стану возмущаться и буду нелеп в клокочущем гневе. Я же хотел не возмущаться, а набить хари молодцам из Труда, спустить их с лестницы, чтобы отбили они свои скотские мозги... Но это было б поражением, и я не набил им хари за провокацию, за Джона Леннона, за мою минувшую юность. Нет, я не проиграл, но и не нашел путей к победе.

- Вы их залитуете, да? - Трое вежливых в курточках смотрели с полуулыбочками. - Ведь опубликованное литуют сразу, да?

- Да, - согласился я и не проиграл, - это опубликовано... Но ведь есть авторское право. И я залитую вам тексты, если вы принесете согласие авторов заметок на исполнение, - но и не выиграл.

Курточки застегнуты, магнитофон собран, ушли без улыбочек и даже без полуулыбочек, но и мне не до смеха...

Руководство Дома народного творчества посчитало, что условия договора я выполнил, и со следующей осени семинар продолжился. Решил так: пусть немытые рокеры учатся стройно высказываться по поводу рок-музыки. Учась высказываться, они разберутся с мыслями, а разобравшись с ними, научатся стройно высказываться на бумаге, то есть сочинять слова, если нейдет, к музыке рок. Но немытые рокеры - бу-бу, в кайф, не в кайф - робко рассуждают и коротко. Удлинять беседы приходилось мне опять же, и к концу второго сезона я наострился рассуждать о рок-н-роллах пространно и красиво. Хоть с закрытыми глазами, хоть посреди сна или любви, оторви меня от гуманитарного моего дела, от борща, в парилке к голому с веником подойди и, отдышавшись, я скажу:

- Уже много лет разрушается национальное музыкальное мышление у россиян, и можно определенно сказать, что у теперешнего поколения его просто нет. Поставьте в ряд мальчиков разных национальностей, от каждой республики по мальчику, и попросите спеть. Всякий республиканский мальчик споет национальное, а российский мальчик споет про Крокодила Гену...

Если после бани, борща, любви, сна - дать собраться с памятью, я докажу это примером из собственной жизни. Мы уже не мальчиками оказались во Франции. Нам уже туюкнуло по восемнадцать и на банкете мы могли хватануть винца. На банкете французы горланили хором общие свои песни, вдруг смолкли, предложив нам, из России, спеть. Нас оказалось человек шесть из команды в боковой от главного зала комнате и нам очень

хотелось спеть им так, чтобы... Но проще с гранатой под танк! Будет уместным сутрировать ситуацию до кощунства! Мы не знали полностью ни одной песни! Очень, до дрожи хотелось спеть им так, чтобы... Спели Калинку. И в ней мало что помнили, кроме саду якодка малинка, малинка моя. Собственно, Калинка не народная песня, а стилизация, так что позор на наши головы.

- Из чего складывается национальное музыкальное мышление? - начну я вопросом, если уж начну высказываться. - Я не теоретик, конечно, но думаю, подобное мышление складывается из религиозной музыки, которую человек слышал и исполнял в церкви или на улицах во время религиозных шествий и музыки бытовой, самосочиненной, что сопровождала россиянина от рождения до смерти, называемой условно теперь народной. Церковь отделили от государства и атеизм - стержень нашего мышления. Так! Но почему прекрасную церковную музыку отделили вместе с культом, вместо того чтобы переправить ее на профессиональную сцену и оставить в сознании? Видимо, страшно, что проскользнут в памяти слушателей отдельные мало понятные им церковно-славянские слова. А западную религиозную музыку можно. А Бартнянского нельзя... Бытовая же народная музыка осталась в сельской местности, да вот из сельской местности почти уехали все в города. Бытовая народная музыка погибла вместе с прежней полупатриархальной деревней...

Говорю как человек сугубо городской: музыкальный вакуум в наших головах, и его заполняют восемь с половиной композиторов и пять с половиной поэтов-песенников. И они не виноваты в этом. Почему и не сочинять песни за тысячи рублей авторских отчислений? В век стандартной еды, одежды, мыслей мы стандартно поем про крокодилов, динозавриков, кашалотиков, дельтапланы, каскадеров, виндсерфинг, много про что поем, про то, что лучше бы и не знать... Но тысячи и тысячи рублей в наше танцующее и кайфующее время стало возможным заколачивать и на отечественном роке, так что и российский рок почти раздавила холодная машина стандарта...

Помню, был влюблен сокровенно в девушку, страдал. Увидел через несколько лет случайно и узнал, что пошла она по рукам...

Ах, да! Два сезона мучил и раздражал семинар некто Д. С выбритым пробором, отутюженный, всегда в галстук, как комсомольский секретарь, поэт постпостсимволистского толка прибился случайно с напором жениха. Рвался писать манифесты и декларации, несколько раз предлагал свергнуть меня и назначить его. А третий сезон начали без Д. Он исчез. Наверное, его жениховский напор увенчался успехом в естественном направлении.

У меня набралась полная авоська рок-н-рольных виршей, и сторяча я стал проводить изыскания по семиотике рока и, кажется, нащупал контуры знака новаторства и знака вторичности. Словно прошлогоднюю солому корова, так начинающие немые рокеры дожевывают сны, свечи, чертовщину и мистику, дзэн, медитацию, наркотики.

Век информации. Мир растворен в газетных столбцах. Хочется петь, но губы зажаты в тисках, потому что жалкая пародия на Homo Sapiens, нагим ты с рождения впал в нирвану, эти стихи мне нашептывал демон, и я хочу, чтобы путь познания был долог, чтобы уйти прочь с наступлением рассвета, хотя гордый, демон на стоянке такси спрячет крыло под серым плащом, так что в итоге смотри на мир сквозь цветные стекла, пока часы не пробьют полночь. Такой, так сказать, круговорот личности в природе. Такая путаница. Такая каша в голове. Гречневая наша российская каша рок-н-ролла.

Но ведь они хотят высказаться, они неловко прорываются сквозь чащу родного наречия...

Все может быть, пусть даже дзэн и медитация, черт с ними, но не может быть наркотиков. Как им объяснить, как рассказать о черных щупальцах безумия? Хорошо, что пока метафорические наркотики у большинства. Сколько уже рокеров подохло от таких метафор, ставших былью! Ведь это тулупчик с чужого плеча, а точнее - джинсишки с чужой задницы, а примеривать джинсишки с чужой задницы - нет, это не талантливо.

Запад! С Запада к нам пришли все основные виды гражданского искусства балет, станковая живопись, поэзия, роман. Теперь пришел сверхгражданский, урбанистический рок. Но раньше, что ни приходило, не касалось непосредственно неграмотного большинства. Раньше рынок гражданского искусства был узок и не было стандартов массовой культуры. Пришел Байрон, а стал Пушкин, пришел аббат Прево, а стал Достоевский. Дело не в примерах! Дело в том, что были Битлз, а приняли Бони М, был Джимми Хендрикс, а приняли Модерн Токинг. Были великие рок-артисты, а навязывать стали стандарт эротики и звуков. А по собственным росткам национального рока прошлись тяжеленными сапогами глупости. Но теперь зачесали в макушке и, пропустив за последнее десятилетие через профсцену всю пошлятину доморощенную и уцененку рока забугорного, замордовав в прессе Шевчука из ДДТ, Науменко из Зоопарка, Гребенщикова из Аквариума и прочих разных, проросших на губительных наших суглинках и болотах, проснулись вдруг, выдернули из равноправной грядки Аквариум и чистят, приглаживают, причесывают, шелушат ботву,

готовя к употреблению Гребенщикова как поп-звезду самопального свечения... Но дело не в аквариумах конкретно. Дело в массовой глупости или трусости проявить ум...

Смотрю передачу: гонят рок-номер, после его обсуждают должностные лица, сидя в кресле, - так да саяк; гонят еще рок-номер и опять рассуждают. Неплохо так рассуждают, а, вот, в рок-номере на всю страну рок-мальчики пели про то, что, дескать, трава, она, туда-сюда, моя любовь к тебе больше или меньше любви к траве и прочия, прочия... Трава - это марихуана, анаша, гашиш. Это каждый знает. А каждый третий из тех, кто знает, курит. А знают ли те, кто в креслах? Не знают? Нечего тогда сидеть в креслах и заниматься тем, в чем не рубишь...

Сколько-то лет назад удивился, когда понял, как поперла в средства массовой информации поп-культура. Затем вместо удивления пришла уверенность: это все враги шуруют! Хотят нас изнутри взорвать! А теперь думаю - какие враги! Дураки! С нами в идеологии воевать не нужно. Главное дуракам не мешать - они нас в итоге изнутри и взорвут...

Ладно! Уже третий сезон я обучаю троглодитов, олухов царя небесного, неформальных объединенцев и девушек.

Мы с Николаем не предавались на сцене каннибализму, и успешным наше концертное выступление можно назвать с натяжкой. Но все-таки, если шибко захочешь, просто стать звездой рока, если был ей раньше. Этому я не научишь. Это где-то в печенке, в поджелудочной или предстательной железе.

А как им хочется! Как бы им объяснить, что имеются занятия в мире и понадежнее!

Как-то не так на небе расположились звезды и порядочный семинар превратился неизвестно во что. С каждым разом все больше пролетариев рок-труда забредало на занятия. Особенно после того, как перед ними сильно выступил кудрявый талант из Новосибирска - Наумов. Сильный гитарист, словообильный и торчковый, клевый, кайфовый автор текстов. И правда, да-да, все очень сильно, но опять это заигрывание с наркотиками в текстах... Пусть торчково, кайфово, клево сделано, но - не надо. Ведь метафора искусства кончается могилой жизни. Но как объяснить? И кто объяснит мне, почему в Ленинграде наркотик приобрести проще, чем туалетную бумагу?

В ноябре прослушивали трио Зря. Троглодитов и остальных набилось человек с пятьдесят, и, собственно, обсуждение оказалось сорванным. Трио Зря медитировало. Это мы знаем - медитация. Такая штука. Аккуратная музыка, а кайфа нет, потому что нет драйва. А без кайфа, - говорят рокеры,

- нет лайфа.

А в конце декабря пришел Фрэнк. Есть такой человек. Не хочу вспоминать, но вспоминаю Валеру Черкасова, когда встречаю Фрэнка. Он долго приставал, просился выступить на семинаре. Мы договорились. И в конце декабря пришел Фрэнк на занятия, и вместе с ним пришло сто человек неформальных объединенцев, настолько неформальных и настолько объединенцев, что мои олухи, троглодиты и девушки забились по углам, а пришедшие с Фрэнком валялись на полу, курили, входили, выходили и плевали на руководителя. А Фрэнк... Унты стоптанные на каблуках, рваные джинсы, волосня с перхотью ниже плеч и глаза в разные стороны. Бледное, серое лицо и высокий, гадкий, бесовский голос мучает блюз:

- Свобода есть, свобода пить, свобода! Свобода спать с кем хочешь из народа... - или:

- Я - бич, бич!..

Автостоп, хипповые прокламации про то, как он, такой-сякой, не так уродился и прочая антимилитаристская окрошка с психоневрологическим уклоном.

Всего час бесовских игр, завораживающих, затягивающих в черную воронку без дна...

Для того я и нарушаю трудовую дисциплину кочегара, чтобы на улице Рубинштейна встретиться с троглодитами и девушками в скромной аудитории. Я иду от Владимирской по Загородному. Витрины магазинов занавешены льдом, и прохожие в меховых, шерстяных драпировках спешат, не глядя друг на друга. Но и радужную надежду вселяют холода - может, разом, словно динозавры давно, вымрут в городе панки и иже с ними, разгуливающие и в ледяном январе без шапок.

Действительно холодно. Я надел на себя все, чем обладаю из одежды, но все равно приходится передвигаться почти бегом. И слава богу - ведь я опаздываю. Опаздываю всю жизнь. Где-то ведь на пирсе в Ораниенбауме огонь в топке моей занимается все сильнее, превращаясь в новую субстанцию огня-флогистона, и хотелось бы успеть вернуться до того, как перегорит уголь, улетучится в пространство тепло, а холод заморозит воду в трубах и разорвет трубы льдом, приговаривая ту часть меня, ведающую топкой, к ужасным дисциплинарно-административным карам.

Протискиваюсь в тугую дверь и поднимаюсь по сумрачной, скучно освещаемой лестнице. На втором этаже смолят никотин олухи, троглодиты, объединенцы и девушки. Здравствуйте, - я говорю, а они нестройно: Здравствуйте, - а девушка посмелее: Вот и учитель воскресной школы,

говорит, а я: Правильно, - соглашаюсь. - Фрэнк, зараза, нас чуть не угробил. Воскрешать пора.

Прохожу в коридор, а из коридора в аудиторию.

- Здравствуйте, - говорю тем, кто в коридоре и в аудитории. А там все те же - олухи, троглодиты, объединенцы и девушки.

- Здравствуйте, - отвечают мне.

Они рассаживаются и затихают. Человек тридцать все-таки есть. Я хочу собраться и сказать как рассуждаю последнее время. Ведь в смысле души мы сейчас возле, в который раз, разбитого корыта или, точнее, перед развороченной кладкой, развороченной на кирпичики, хотя который раз строили на века. Да, получилась нелепость. Но кирпичики-то целы, и все-таки стоит строить здание нового самосознания, в котором жить нам и нашим детям с рок-н-роллами там или без. Ведь, вы, девушки, родите детей, может, от олухов царя небесного и родите, а те дети родят себе других детей... Но, нет, я долго шел к таким рассуждениям и неизвестно еще куда пришел.

- Ничего себе маевочку нам прошлый раз Фрэнк устроил.

- В кайф! - смеются в ответ.

- Да, но я не хочу, чтобы меня выгнали с работы. Такая запись в трудовой книжке погорит!

- В кайф! - смеются в ответ.

- В кайф-то оно в кайф, но сегодня все будет тихо, мирно и занудно. У кого слабый мочевого пузырь, прошу сходить облегчиться. Перекуров не будет. Я сегодня вам мемуары почитаю. Свои! Избранные места почитаю, так сказать, в педагогических и честлюбивых целях. Я волнуюсь, однако!

Публика молодая, ей бы пошуметь, она и шумит.

За моей спиной рояль. С оборота бью в до-мажор обеими руками. Олухи, троглодиты, объединенцы и девушки затихают. Жаль, что мухи спят до лета, а то был бы слышен их полет. Я достаю папку с листами и раскладываю их перед собой, шуршу ими, откашливаюсь, вспоминаю неожиданно все, словно жизнь это не смена лиц и мест, словно происходила она сразу, словно на битловском Сержанте возникают люди, люди, люди, цвета и даже запахи, терзания и ревность возникают будто впервые, ненависть, наивность и честлюбие юности, друзья и ссоры с друзьями, враги, пинки и то, что неожиданно открылось в звуке, что помогло выжить в юности, может, это самое трудное - выжить в юности и дожить до того, что называется человеком; я откашливаюсь, беру верхний листок и глухим, чужим каким-то голосом начинаю:

- В июне тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года мне исполнилось

восемнадцать лет.

CODA Заканчивается повесть, но продолжается жизнь. Весной восемьдесят седьмого освободился Никитка и мы встретились у него, возле рояля: Никитка, Витя, Николай и я. Очень давно я не виделся с Никиткой и сперва просто не узнал в рослом и дюжем мужичине давешнего юношу со скрипкой.

- Круто, мужики, круто сети-то плести. - Там Никитка не мог выполнить каких-то норм по плетению сетей, но сторожа узнали о былом сотрудничестве Никитки со Стасом Наминым и с сетей сняли. - У нас такой крутяк, такие гитаристы сидели, - говорит Никитка, называя группы и фамилии рок-артистов.

- А у меня рассеянный склероз, - жалуется Витя. - Видели, как ноги волочу? Белое пятно в медицине. Четыре месяца в больнице - ноль. Онемение членов!

- Инвалид рок-н-ролла, - говорит Николай.

- Жертва безудержной юности, - говорю я.

Мы сидим возле рояля и вдруг договариваемся выступить на рок-н-рольной маевке Коли Васина, который - жив, жив курилка! - ангажировал под это дело клуб железнодорожников.

И зал неожиданно aukнулся довольным воем.

Лето же началось очередным рок-фестивалем в комсомольском Дворце молодежи, на котором Петербургу позволили заместить инвалидную вакансию, в пределах которой мы и порезвились, как пятнадцать лет назад, - Никитка порвал четыре струны, я почти порвал голосовые связки, а Николай казенные барабаны. Даже Витя пытался совладать с рассеянным склерозом. Могло получиться и хуже. Даже так нас приняли на ура, но главное, что с нами, нет, рядом с нами был Никита Лызлов.

Катапульта перестройки забросила его в кресло зама гендиректора по науке некоего объединения, в котором он, дай бог, когда-нибудь защитит докторскую, и теперешняя масть не позволила ему появиться на сцене, но все-таки он находился рядом - бегал за струнами для Никитки, когда тот рвал их, щелкал фотоаппаратом на память.

За неделю комсомольско-рок-н-рольного мероприятия на Петроградской стороне выпили все плохие кислые вина и закомплексовали тамошнюю милицию, которой, похоже, в условиях проснувшейся демократии, предложили особо руки кайфовальщикам не заламывать, но быть начеку. Хватательный рефлекс у милиции, впрочем, в крови, и поэтому постоянно кого-то задерживали и постоянно кого-то отпускали. Всех моих знакомых задержали по разу, Президента Рок-клуба задержали и

отпустили, меня и самого стоило задержать и отпустить, но тут на комсомольскую сцену стали забираться панки. Шведо-канадские же дипломаты забегали с видеокамерами. Первые панки поливали зрителей из кислотно-пенного огнетушителя и погасили заодно пару усилителей Динаккорда на полторы тысячи золотых рублей, вторые панки обтошнивали себя перед концертом и матерились в микрофон, третьих панков попытались побить металлисты из Пскова, одетые в настоящие кольчуги, и возле сцены началось побоище... Все-таки была и музыка. Был Шевчук, был Науменко и Борзыкин, иногда было в кайф. Была и гласность. По стенам раскатали куски обоев, и каждый мог выразиться письменно. И выражались.

Эти сатурналии, эти ипотезы, эти гестрионско-скоморошьи дела изучались старательно хорошими ребятами из комсомола. Они могут еще три пятилетки их изучать и не понять ничего, если не уяснят себе гносеологическую сущность сего базарно-смехового, эротическо-языческого, существовавшего всегда под иными личинами, социально-громоотводного явления, нашедшего основу в африканском, примитивном, пещерном ритме.

Впрочем, о дадзыбао-обоях. Мне удалось умыкнуть ту их часть, что касалась Петербурга. Для того мы и собрались через пятнадцать лет, ведь такого сам не придумаешь, а ведь как-то надо заканчивать повесть. Откликов оказалось достаточно и не очень обидных, а сверху резким почерком наискосок чья-то восторженная рука начертала: Бэби, я обторчался вчерняк!.

Вот она жирная черта итога, дебет и кредит рок-судьбы. Бэби, я обторчался вчерняк!. На этом, собственно, можно и ставить точку. Но я все-таки поставлю многоточие...